

Сергей ЗВЕРЕВ

**СПАСТИ
ПРЕЗИДЕНТА**

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев
Спасти президента

«ЭКСМО»

2012

Зверев С. И.

Спасти президента / С. И. Зверев — «Эксмо», 2012 — (Спецназ ВДВ)

ISBN 978-5-699-59917-2

Террористы совершают чудовищный теракт, они обрушивают небоскребы в Париже и гигантское колесо обозрения в Лондоне. Они же провоцируют арабских шиитов отделиться от Ирака и начать войну за освобождение юга Ирана. Мир оказывается на краю ядерной катастрофы. Президент России Правдин, летящий в это время на Шанхайский конгресс, принимает волевое решение и, пытаясь предотвратить войну, сажает самолет в Ираке. Для защиты президента в Ирак срочно отправляется группа спецназа ВДВ под командованием майора Серегина. К несчастью, террористы успевают захватить президента России. Стало известно, что вооруженные бандиты разместились на брошенной британцами базе. Российская десантура начинает беспрецедентную силовую акцию...

ISBN 978-5-699-59917-2

© Зверев С. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1,	8
Глава 2,	24
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Зверев

Спасти президента

Пролог

Название пустыни ар-Рахаб, что раскинулась на юго-западе Ирака, некоторые переводят как «Ужас», другие – как «Жестокость». Где-то на краю этой бескрайней пустыни, на берегу пересохшей речки Гамель, затерялась британская военная база «Лоуренс».

Базу окружал песок. Песок расстился до самого горизонта. Песок поскрипывал на зубах и оседал на губах, оказывался в ботинках и в постели. Даже воздух здесь имел специфический запах песка. Так бывает, когда песка набирается слишком много. Целое песчаное море или даже океан.

Именно среди такого песчаного океана человек особенно остро ощущает, что он сам – не более чем крохотная песчинка, которую занесло сюда какой-то дьявольской силой. К этому примешивается чувство постоянной непреходящей тревоги. От долгого пребывания в таких условиях жизнь становится просто невыносимой.

К тому же обстановка в регионе с каждым днем становилась все более напряженной. А в последнее время противник окончательно перехватил инициативу у миротворческих сил. По укрепленному району британцев, центром которого являлся город Басра и его аэропорт, боевики нанесли за последний год более трехсот ракетно-минометных ударов. Это было больше, чем за предыдущие четыре года войны, вместе взятые.

Еще за последние полгода в Ираке погибли или были серьезно ранены пятьдесят семь британских военнослужащих, что превышало потери за любой другой год с начала американо-британского вторжения.

Ночная жизнь на базе «Лоуренс» мало чем отличалась от дневной. Разве что с некоторых пор удвоилось число внутренних караулов, прекратились выезды на ночное патрулирование и ночные полеты. После захода солнца территорию базы и ее окрестности заливал свет прожекторов. Но это не вносило успокоения, скорее, наоборот, играло на нервах.

И сейчас, поздним вечером, на аэродроме продолжала кипеть работа. Там разгружали прилетевший еще засветло транспортный вертолет «Си Кинг».

Экипаж вертолета, выполнив свой воинский долг, отправился отдыхать. Командир экипажа, майор Дойл, заглянул в бар, чтобы снять напряжение. Народу в баре было немного, большая часть столиков оказалась незанятой. Майора удивило, что в зале не играла музыка, да и голоса клиентов звучали приглушенно. Все выглядели подавленными. Если не сказать – напуганными.

Майор Дойл прошел к стойке.

– Двойной скотч, – бросил он бармену.

Тот в ответ развел руками:

– Могу предложить только бурбон, сэр.

Брови майора удивленно поползли вверх.

– Не понял...

Бармен виновато улыбнулся:

– Призраки сбили наш транспортный самолет, в котором находился и груз спиртного. Спасибо, американские союзники выручили. Иначе пришлось бы производить самогон из верблюжьего дерьма.

Майор Дойл покачал головой:

– Ну, не знаю. Если бы можно было выбирать, я бы предпочел верблюжий самогон. Но, если выбора нет, согласен и на кукурузное пойло. А кто такие эти призраки?

После этих слов и без того негромкие разговоры за столиками разом смолкли. Все присутствующие как по команде посмотрели на Дойла. Он смутился и уткнулся в стакан. Когда посетители бара вернулись к своим напиткам, майор понизил голос и снова небрежно поинтересовался у бармена.

– Так что это за призраки?

Бармен опасливо оглянулся по сторонам:

– А вы не в курсе? «Песчаные призраки» или «призраки пустыни», так их зовут местные. Люди считают, если произнести их имя вслух, можно накликать их появление. Призраки приходят по ночам, иногда и днем. Возникают неизвестно откуда и исчезают бесследно. Свидетелей нет. После них остаются только трупы и дымящиеся развалины. Сами себя они называют «ирхабиюн» – вселяющие страх.

Бармен демонстрировал завидную осведомленность. И неудивительно, ибо, как правило, самыми осведомленными сотрудниками спецобъектов являются работники сферы обслуживания.

Но на пилота рассказ о страшных призраках пустыни явно не произвел должного впечатления.

– А на нас они не нападут? – с нескрываемой иронией поинтересовался он.

Бармен иронии не принял и ответил майору вполне серьезно.

– Нет, – сказал он. – В основном они терроризируют местные деревни и поселки. На прошлой неделе вырезали блокпост и заманили в засаду патрульную группу. Самолет на взлете или при посадке сбить могут. Вертолет тоже. Но нападать на базу они пока не осмеливаются. Местные шииты считают, что призраки – это неприкаянные души злодеев-суннитов, которые где-то в этих местах убили их святого имама Хусейна. С тех пор призраки убийц святого не могут найти покоя. Они скитаются по пустыне, жестоко страдают и потому убивают всех, кого встретят.

Майор покачал головой. Похоже, бармен обладал чересчур богатым воображением. Снаружи послышался приглушенный рокот. Звук был майору знаком. Но сейчас вызвал недоумение.

– Что это? – насторожился он.

– Думаю, вертолет, сэр, – без труда догадался бармен.

– Но меня предупредили, что ночные полеты запрещены, – возразил мистер Дойл.

– Может быть, кто-нибудь из наших парней заблудился?

Майор прислушался к шуму мотора и отрицательно покачал головой.

– Нет, не похоже. Я наши вертолеты по звуку определяю. Это не «Газель» и не «Скаут». Чужой летит.

– Может, это русский вертолет или американский? – предположил бармен.

– Русские «Хайнды» и «Хэвоки» подкрадываются внезапно, их не услышишь. Это точно американец, – с уверенностью определил пилот. – «Апач». «Апач Лонгбоу», «Длинный Лук». Но между собой мы его называем «Срань Небесная».

Воздушное пространство над базой «Лоуренс» охраняла зенитно-ракетная батарея «Рапира». Ее локатор прощупывал темное небо. Там давно засекли приближающийся вертолет и пришли к такому же выводу – американец заблудился. С базы запросили пароль и позывные.

Но вместо ответа на батарею обрушился страшный удар незваного гостя.

Командир базы в это время находился на командном пункте. За несколько секунд до нападения его внимание привлек дежурный офицер.

– У нас проблема, сэр!

– Что случилось, капитан Хокинс?

– Локаторы ослепли! Я ничего не понимаю...

Ослепли не только локаторы. Вся электроника сначала будто взбесилась, затем полностью вырубилась.

И тут начался форменный ад. Ракетная батарея не успела сделать ни одного залпа. Колоссальной силы взрыв поднял ее на воздух. Было похоже, что она взорвалась на собственных боеприпасах. Следом за гибелью батареи базу накрыл последовательный вал мощных взрывов. Стали рваться запасы снарядов и ракет, хранившиеся в южном секторе базы. Затем в восточном и так далее. Полное уничтожение базы заняло не более десяти минут.

Невозможно было поверить в то, что виновником катастрофы стал один-единственный вертолет. Завершив свою страшную работу, он покружил над руинами базы и взял курс на запад, в самое сердце необъятной пустыни. Когда он скрылся, из развалин стали понемногу выбираться те британские солдаты, которым каким-то чудом удалось остаться в живых.

Из-под кучи песка, как из могилы, с немалым трудом выкарабкался бармен. За ним с ругательствами показался майор Дойл.

– Что это за хренота была? – отплеываясь от набившегося в рот песка, спросил бармен.

– Я же сказал – «Срань Небесная», – отряхиваясь, отозвался майор.

В эту ночь на базе «Лоуренс» погиб сто сорок один британский военнослужащий, но об этом никто так и не узнал. Информация об уничтожении базы оказалась строго засекреченной. Впрочем, уже на следующий день премьер-министр Великобритании Гордон Браун выступил перед прессой и объявил о начале вывода британских войск из Ирака.

Глава 1, в которой никто не ожидает беды, но все ошибаются

Их было трое, тех, кто в специальных документах с грифом «совершенно секретно» именовались «диверсионно-разведывательной группой специального назначения». Официально они числились военнослужащими 12-го гвардейского Ахтырского воздушно-десантного отдельного разведывательного полка.

Старший группы, майор Серегин, являлся ее мозгом. Незаурядные аналитические способности майора позволяли ему занять высокую кабинетную должность. Но на все предложения начальства перейти на работу в штаб он неизменно отвечал отказом.

– Не люблю в помещении сидеть. Душно там. Мое место в поле.

Функции терминатора в группе исполнял старший лейтенант Голицын, который чаще отзывался на прозвище Поручик. Он владел всеми известными видами огнестрельного и холодного оружия. Но наиболее сокрушительным и совершенным оружием был он сам. При этом Поручик очень не любил драться. Больше всего на свете ему нравилось читать книжки «для среднего и старшего школьного возраста» и наблюдать за жизнью насекомых.

За техническое обеспечение отвечал старший прапорщик Копняк. По непроверенным слухам, он мог починить все, что было когда-либо создано руками человека и ими же испорчено. Но, когда его называли Русским Левшой, обижался.

– Во-первых, я хохол, а не кацап. А во-вторых, когда ваш Левша блоху подковал, она плясать перестала. Выходит, гордиться тут нечем.

Четвертый член группы, знаток восточных языков Рафик Аскеров, не вернулся с последнего задания. Эта потеря заставила помрачнеть всех, даже никогда не унывающего Поручика.

После выполнения трудного задания группе полагался месячный отпуск на восстановление сил и поправку здоровья. Но час назад их экстренно собрали в штабе полка и вертолетом отправили на военный аэродром. Лететь предстояло далеко, куда именно – не уточнялось. Военная тайна. Здесь же, прямо у самолета, им представили нового четвертого члена группы.

Первым новичка увидел и оценил Поручик. Оценил на два с минусом. Из десяти возможных. Возмутительно молодой, белобрысый, ростом под метр девяносто и почти столько же в плечах, тот был облачен в новенькую, с иголки, не обмятую еще натовскую «песочку». От него за версту несло «гражданкой». Того гляди, в самолете мамиными пирожками тошнить начнет.

– Б-будем знакомы. Я – капитан Орлов, – слегка заикаясь, представился белобрысый качок.

Поручик покосился на свой выгоревший и застиранный добела «мешок» – прыжковый комбез старого образца. Непроизвольно похлопал себя по огромному карману-рампе на заднице и буркнул:

– А я – нет.

Это было слишком. Зеленый соплик – и уже капитан. Не иначе – отец генерал. Или мать – уборщица. У министра обороны.

Поручик смерил новичка пренебрежительным взглядом, отметил его внушительный вид и вузовский ромбик. Но при этом на нахала парень не походил, держался скромно, если не сказать смущенно. Поручик немного смягчился и снизошел до общения.

– Меня зовут Денис Васильевич Голицын. Для друзей – Поручик. Ты, капитан, что заканчивал?

– В-военный университет министерства обороны, – ответил Орлов.

– Толмач? – уточнил Поручик.

Толмачами называли специалистов, свободно владеющих не только письменным, но и устным переводом.

– Так точно, д-драгоман, – сообщил Орлов.

Драгомановы специализировались по восточным языкам, обслуживали послов и консулов.

Ну и, конечно, разведку.

Поручик продолжал беглый анкетный опрос:

– Капитана за какие подвиги получил?

Орлов замялся:

– Я, вообще-то, учился в адъюнктуре... 3-защита на тему «Критика хариджизма в труде

Абу аль-Фатха Мухаммада «Аль-Милаль уа ан-нихаль».

Поручик покачал головой и грустно вздохнул.

– Да, актуальнее, блин, некуда. Я бы предпочел защиту от ножа. А с парашютом прыгать приходилось?

– У меня тринадцать прыжков...

– С оружием?

– Н-нет...

Поручик вздохнул:

– Понятно: парашютист-любитель с большим опытом научной работы. Именно такого полезного члена и не хватало нашему героическому экипажу. Не обижайся, это у меня шутки такие. Ладно, пошли на борт. До отрыва колес семь минут осталось.

И он провел новенького на борт транспортника «Ил-76». Здесь их встретил богатырского вида боец. Ростом он был пониже Орлова, но шириной плеч заметно его превосходил.

– Старший прапорщик Копняк, – он протянул новичку пятерню размером с большую совковую лопату.

Тот ответил на рукопожатие. Пару секунд они проверяли друг друга на крепость рук. Наконец, Копняк удовлетворенно улыбнулся и ослабил давление пальцев, которыми на спор с легкостью гнул пятирублевые монетки.

– Мицна хватка, – одобрительно заметил он по-украински и перешел на русский. – Можешь звать меня просто Мыколой.

Поручик ехидно усмехнулся и уточнил:

– Ты его только Николаем не назови, а то обидится. Он свое общечеловеческое имя – Николай – поменял на незалежное Мыкола. Так теперь из-за этого деньги в кассе никак получить не может. Инициалы в паспорте и ведомости не совпадают.

Копняк дружески хлопнул Поручика по плечу. От такого проявления нежности у непривычного человека мог и перелом случиться.

– Все на борту? – послышался из недр самолета голос командира. – Тогда взлетаем.

Поручик провел новичка дальше. Там на парашютных сумках, покрытых плащ-палаткой, расположился майор Серегин. Поручик подтолкнул вперед Орлова.

– Вот, Сан Саныч, привел твоего собрата по разуму. Теперь тебе будет с кем в шахматы играть, – и обернулся к Орлову: – Ты умеешь?

Тот кивнул:

– Немного. К-кандидат в мастера...

Поручик криво улыбнулся:

– Да? Я, вообще-то, мастер, но командир меня как щенка делает. Надеюсь, тебе больше повезет. Шахматы любят смелых, а я, признаюсь, пуглив, как молодой таракан.

Поручик с Орловым и подошедший к ним Копняк разместились по соседству с майором. Самолет разбежался, оторвался от бетонки и, резко задрвав нос, пошел на взлет. Набрав нужную высоту, он развернулся и лег на курс.

Как только их перестало трясти, Копняк похлопал себя по животу.

– А что, хлопцы, не пора ли подкрепиться? Ведь, если упадем, харчи даром пропадут, обидно будет.

– Валяй, – махнул рукой Серегин. – Только летчикам не наливай.

– Само собой, – отозвался хозяйственный прапорщик и взялся за рюкзак с провиантом.

Бойцы знали историю, произошедшую с майором в самом начале его военной службы. С давних, еще советских времен, в дальней стратегической авиации привилась практика заменять бесполезного в полете заднего стрелка десантником. В качестве полицейского надзора. В случае предательства летчиков, если бы им вдруг захотелось угнать бомбардировщик за границу, он имел негласный приказ уничтожить взбунтовавшийся экипаж.

Первый же полет едва не стал для Серегина последним. Как только бомбардировщик, несущий атомную бомбу, лег на курс по патрулированию границ родины, летчики врубили автопилот и собрались за импровизированным столом. Позвали и Серегина. Выпили-закусили. Прикончили одну бутылку, взялись за другую. Пошел обычный мужской треп. Застолье грозило затянуться, но внезапно прервалось, когда молодой десантник увидел в иллюминатор летевший параллельным курсом «Фантом».

Оказалось, их бомбардировщик, предоставленный заботам автопилота, сбился с курса и занес свой ядерный груз на сотню километров в глубь турецкой территории. Еще немного – и началась бы Третья мировая. К счастью, все обошлось. Курс выправили, инцидент замяли. Но с тех пор Серегин навсегда запомнил, как легко можно спровоцировать мировую войну, и зарекся пить с летчиками. А заодно и с ракетчиками.

Копняк с продовольственным рюкзаком в руках стоял посреди самолета, озирая салон в поисках чего-нибудь похожего на стол. Салон был практически пуст. Только посредине, закрепленный в полу, стоял небольшой контейнер. При необходимости в качестве обеденного стола можно было бы использовать и его. Недолго думая, прапорщик стал выкладывать продукты прямо на его поверхность.

– Что это за «Ковчег Завета»? – спросил майора Поручик, покосившись на импровизированный стол. – Он не фонит? А то нахватаем рентген, по ночам светиться начнем. И вся светомаскировка псу под хвост. А с нашей специальностью это недопустимо.

– Откуда про ковчег знаешь? – не поворачивая головы, отозвался командир.

Голицын озадаченно поскреб затылок:

– Ничего я не знаю. Просто этот ящик похож на тот, который в «Индиане Джонсе» открылся, и батальон фашистов в прах обратил. А что, неужели я угадал?

Майор кивнул. Командир группы доверял своим подчиненным и не скрывал от них секретную информацию, которую и сам получил неформальным путем.

– Угадал, старик. Этот приборчик не менее смертоносный, чем «Ковчег Завета». Называется он – генератор электромагнитных импульсов «Ника». «Победа», значит. Супероружие. Мощность залпа – миллиарды ватт. Наша крошка сравнима по мощности с Братской ГЭС. А это в десять раз больше, чем любой зарубежный аналог. И при этом размер в несколько раз меньше. На большом расстоянии может выводить из строя механизмы и приборы, а также вызывать детонацию взрывчатых веществ. Представляешь? Нажал кнопку, навел куда надо, и противник подрывается на собственных боеприпасах. И чем их у него больше и чем они мощнее, тем сильнее будет взрыв.

– И даже атомную бомбу можно взорвать? – с недоверием поинтересовался Копняк.

– Атомную нельзя, – возразил майор. – Убежать не успеешь. Дальность выстрела маловата.

Поручик недоверчиво покачал головой:

– Ну и машинка! И неужели вся эта радость нам? Слушай, мы с этой хреновиной таких дел наворочаем...

Но майор перебил его:

– Ага, щ-шас-с! Размечтался ты, Денис Васильич. Раскатал свои большие срамные губы. Закатай-ка их обратно. Мы тут только в роли сторожей-экспедиторов. Доставили – сдали – получили расписку. Это военная поддержка нашим азиатским братьям. Они с ее помощью будут уничтожать склады боеприпасов.

– Чьи склады? – уточнил Поручик.

Серегин в ответ пожал плечами:

– Предполагается – склады террористов. Ну, я надеюсь, что те, кто ее туда отправил, знали, что делают. Но, конечно, если эта пушка попадет в руки боевиков, никому мало не покажется. Но это уже не наша забота.

И обернулся к Копняку.

– Друже Мыкола, что у нас с обедом? Шампанское не пора открывать?

Тут сидевший молча Орлов хлопнул себя по лбу:

– Совсем забыл! Мне же для вас посылку передали. По-моему, там бутылки.

И он принялся извлекать из своего фирменного десантного рюкзака объемистую коробку.

– И кто же это так расщедрился? – поинтересовался Серегин.

– Мне ее посыльный передал, перед тем как сюда ехать. Сказал, что это от генерал-полковника Ковригова. «Ребятам посошок на дорожку».

Копняк схватил коробку и собрался ее тут же распаковать. Его глаза горели радостным огнем.

– Ну, если от генерал-полковника, то тут либо коньяк, либо виски. Он что попало не употребляет. Бутылки три, а может, и четыре. Дай бог ему здоровья! За это и выпьем.

– Стоп! – Серегин рывкнул так, что Орлов и Поручик вздрогнули, а прапорщик едва не выронил посылку из рук.

Все посмотрели на майора с удивлением.

– Вы еще не знаете, – севшим голосом сообщил тот. – Генерал Матвей Дорофеевич Ковригов погиб вчера в автомобильной катастрофе. Информация засекречена. Я сам случайно узнал.

Копняк с полуслова понял командира. Он поставил коробку на контейнер и отошел на шаг в сторону.

– И что? Думаете, кто-то от его имени прислал нам отраву или бомбу?

– Или Дорофеич посылку передал раньше, еще при жизни, а посыльный сутки где-то болтался, – с надеждой предположил Поручик, сам не веря в то, что говорит.

– Исключено, – покачал головой майор. – Дорофеич был в отпуске и не знал о нашей командировке. Я получал приказ непосредственно от адмирала Старостина. В этот момент и сообщили про гибель Ковригова.

Генерал-полковник Ковригов был начальником управления, которому подчинялась группа майора Серегина, адмирал Старостин – его заместителем. Старостин давно не выходил в море и занимался делами, далекими от флотской специфики, но военно-морское звание сохранял и гордился им.

Поручик всегда отличался быстротой мышления.

– Значит, кто-то очень не хочет, чтобы этот электромагнитный генератор долетел до места назначения.

Копняк наклонил ухо к посылке:

– Кажись, тикает. Эх, знать бы, когда рванет! Ладно, сейчас посмотрим, как она устроена. Как и любой сотрудник группы, он имел навыки в минировании и разминировании.

– Что смотреть? За борт ее! – возразил Поручик.

– А вдруг там все-таки виски? – с затаенной надеждой спросил старший прапорщик.

– Ага, виски. Из твоей пиписки! Забыл сказку про бесплатный сыр? – Поручик в раздражении схватил коробку и рванулся к малому люку в хвостовой части самолета.

Через пару секунд посылка отправилась в свободный полет. А еще через три-четыре секунды внизу под самолетом расцвел яркий цветок. Следом пришел звук недалекого взрыва.

Поручик еще не успел закрыть люк.

– Что там? – спросил майор, услышавший приглушенный расстоянием хлопок.

– Она взорвалась, – невозмутимо сообщил Голицын.

И захлопнул люк. Копняк поежился и выразил вслух общие мысли.

– Сейчас бы мы находились в состоянии свободного падения.

Орлов с непривычки слегка побледнел. На его лбу выступили капли пота. Но остальные члены группы, привычные ко всему, невозмутимо молчали, осмысливая происшествие.

Наконец Поручик хлопнул себя по бедру:

– Ну, что пригорюнились? Жрать-то будем? Щи простынут!

Группа собралась вокруг стола. Копняк встряхнулся и приступил к обязанностям виночерпия. Каждый получил по полкружки спирта. Первым делом помянули генерал-полковника. Выпили и зачавкали тушенкой. Осознание того, что их уже могло и не быть, почему-то вызвало зверский аппетит. Прямо-таки голод. Видимо, второе рождение потребовало от присутствующих невероятного расхода энергии.

Ели долго, не ощущая вкуса пищи. Выпили еще по полкружки – за счастливое спасение. Потом – за мягкую посадку. Спирт прошел как вода. И снова молча задвигали челюстями. Наконец Поручик сыто икнул. И подал голос:

– Сан Саныч, просвети дураков. Ты в курсе, куда нас несет нелегкая?

Майор ответил не сразу. Сначала прожевал, потом произнес.

– Куда-куда, на кудыкину гору. Ты про базу «Алмамбет» слыхал?

– Это военная база в Средней Азии, которую американцы арендуют? – уточнил Копняк.

– Туда и едем, – подтвердил Серегин.

– В Среднюю Азию? Да что же это делается! – возмутился Поручик. – Опять по горам и пустыням будем шататься. Что за жизнь?

Серегин усмехнулся:

– Не нравится? Пиши рапорт, рассмотрим. В народном хозяйстве тоже руки нужны. Ты молодой, энергичный, может, еще банкиром станешь или каким другим полезным бизнесом займешься.

Но Голицын отрицательно покрутил головой:

– Ни фиги. Как говорит великий и мудрый адмирал Старостин: «Лучший бизнес – политика».

– А лучшая рыба – колбаса, – подхватил Копняк.

– А лучшая колбаса – ч-чулок с деньгами, – внес свою лепту в обсуждение Орлов.

Старшие товарищи смирли новичка одобрительными взглядами. Но Копняк вернул всех к суровой действительности.

– Что-то мы развеселились не ко времени. Не пришлось бы плакать. Нас ведь только что чуть не убили. Думаете, они успокоятся?

Поручик беспечно махнул рукой:

– Ладно тебе с порога нового человека пугать. Что господин капитан о нас подумает?

Майор внимательно посмотрел на новичка.

– Звать-то тебя как, капитан? – спросил он.

– Орлов. Д-дима, – смущенно ответил тот.

Тут снова встрял Поручик:

– Вот что, Дима. На орла ты пока не тянешь. Побудешь птенчиком.

На том и порешили. Так богатырь Орлов получил позывной Птенчик. Старший лейтенант подвел его к сложенным в средней части фюзеляжа плащ-палаткам и, нарушая субординацию, дружески похлопал по плечу.

– Ну что, поел-выпил? Теперь можно и поспать. Привыкай, ибо так проходит большая часть нашей нелегкой службы. Так что располагайся как дома. Сам видишь – комфорт у нас тут на высшем уровне, не уступает «борту номер один».

Но он ошибался.

* * *

Поручик сильно ошибался. Старый «горбатый» «Ил-76» по комфорту не шел ни в какое сравнение с «бортом номер один». Как раз в это самое время президентский Ил-96-300, упомянутый всуе старшим лейтенантом, также находился в воздухе.

Президент Российской Федерации Василий Васильевич Правдин совершал полет по маршруту «Внуково-2 – Шанхай», где через два дня должен был состояться Шанхайский Евро-Азиатский энергетический конгресс. На повестке дня конгресса стояли вопросы разведки, добычи, переработки и транспортировки нефти и газа.

Правительство России возлагало на конгресс большие надежды. Руководителю страны представилась возможность заключить так называемый «Контракт века». В случае удачи Россия смогла бы сбросить кабальную зависимость от западных рынков с их кризисами и получала выход на богатейшие рынки Китая, Японии, Южной Кореи и других стран Юго-Восточной Азии. Перспективы от заключения «Контракта века» были просто головокружительными.

Для Правдина сейчас это было особенно важно. Его президентский рейтинг за последнее время пошатнулся и начал заметно снижаться. Причин тому было немало, как объективных, так и субъективных. А ему до зарезу требовалось остаться во власти, как минимум, еще на один президентский срок. Иначе незавершенные реформы, незаконченные дела каменными жерновами повисли бы у него на шее.

Поэтому возможность совершить экономический прорыв давала ему шанс и на политическую победу над противниками. А их число неуклонно росло, в том числе и за счет недавних соратников. Свора зажавшихся и проворовавшихся чиновников и политиканов, устроивших из своей близости к власти личную кормушку, бросилась врассыпную, как только услышала отдаленные раскаты надвигающейся грозы. И теперь считали своим долгом посильнее пнуть своего вчерашнего благодетеля, обвиняя его во всех мыслимых и немыслимых политических грехах.

Поэтому президент Правдин видел для себя только один выход – вернуться в Россию из Шанхая с победой, с подписанным «Контрактом века». Для него сейчас это было вопросом жизни.

Как обычно, передовая группа российской делегации вылетела в Шанхай загодя. Эскадрилья из пяти самолетов – три транспортных и два пассажирских – должна была доставить в Шанхай все необходимое, чтобы обеспечить безопасность главы государства. Руководил всем этим сложным хозяйством начальник президентского ХОЗУ Виктор Степанович Адамов. В далекие студенческие годы он частенько злоупотреблял знаменитым портвейном «Агдам», за что получил прозвище Агдамыч. Пить он давно бросил, но прозвище прилипло на всю жизнь.

На работе Агдамыча ценили за абсолютную надежность и философский склад ума. Любимой его поговоркой была: «Короля играет свита». Поэтому обслуживающий президента персонал, от уборщицы до начальника охраны, он держал в строгости и перманентном напряжении. Благодаря этому все вверенные Агдамычу службы работали с точностью и надежностью швейцарских часов.

Рано утром Агдамыч лично позвонил Правдину из Шанхая по прямой линии и доложил, что можно вылетать. Для встречи президента там все было готово: резиденция, транспорт, службы питания и безопасности. Выслушав своего лейб-завхоза, президент дал команду на вылет.

Дежурный экипаж и бортпроводников президентского лайнера, которые томились в суточном резерве, кто у себя дома, а кто в специальном профилактории, вызвали по тревоге. Улицы Москвы, к раздражению водителей, в срочном порядке перекрыли. Спустя полтора часа «борт номер один» оторвался от взлетной полосы.

С президентом летело только его ближайшее окружение. Рядом с ним шагал человек с кейсом. На плече его висел небольшой кофр. Это был портативный абонентский терминал автоматизированной системы управления стратегическими ядерными силами. В просторечье – «ядерный чемоданчик».

Кроме obsługi главу государства сопровождали двое помощников: генерал-силовик Валентин Феликсович Лепешкин и либерал-финансист Игорь Павлович Фабриков. Только этим двоим, пожалуй, президент и мог еще полностью доверять в условиях всеобщего предательства.

Обязанности секретаря исполняла младший референт-стажер Ольга Ильинична Старостина. Собственно, Ольгой Ильиничной ее называл только президент. Остальные, по причине крайней юности младшего референта, звали ее Олей, а то и вовсе Олечкой.

Она летела президентским бортом впервые. Самолет произвел на нее сильное впечатление. Это был, по сути, главный штаб и мобильный центр управления государством, в том числе вооруженными силами и ядерным оружием. Кроме того, сам лайнер представлял собой настоящую летающую крепость. Но в электронный и боевой отсеки Ольга соваться не стала, ограничилась жилыми апартаментами.

Оформление интерьера поражало роскошью отделки. Салон был украшен гобеленами, стены отделаны инкрустацией из золота и драгоценных камней. На стенах, дверях и мебели карельская береза чередовалась с красным деревом, а позолота и бронза гармонировали с малахитом. Даже кожаные кресла в конференц-зале имели зеленовато-малахитовый цвет.

Все полы были застелены мягкими ворсистыми коврами. Отделка и обстановка были изготовлены английской фирмой «Diamond Aircraft Furnishings» с размахом, без оскорбительного намека на экономию. Впрочем, ходили слухи, что отделка самолета предыдущего президента обошлась вдвое дороже.

Президентский кабинет был украшен массивным золотым двуглавым орлом. Внутри было тесновато, площадь помещения не превышала девяти метров, но все необходимое для работы здесь имелось. Дальний угол кабинета целиком занимал комплекс спецсвязи – установка размером с большой холодильник. К кабинету примыкала комната отдыха с двумя кроватями для президентской четы.

За президентскими покоем находились душевая и туалет. Там, где раньше, при одном из предшественников нынешнего президента, помещался медицинский реанимационный блок, ныне располагался небольшой тренажерный зал. Дальше шли кухня и складские отсеки. Кроме того, Ольга насчитала целых три бара. Впрочем, ни один из них пока не был открыт.

Обойдя помещение, Ольга вернулась в кабинет президента.

– Ну, как вам апартаменты? – поинтересовался Правдин, оторвавшись от документов, которые внимательно изучал.

Ольга отметила, что лицо Правдина выглядит усталым и слегка осунувшимся. Подготовка к предстоящему конгрессу отняла у него слишком много сил.

– Ничего, все очень миленько, чистенько и скромненько, – пошутила она. – А где тут спасательная капсула?

Президент развел руками:

– Это знает только начальник охраны. Даже мне не говорит, боится, что проболтаюсь.

Дверь кабинета открылась без стука, и в нее, громко споря, вошли оба помощника президента. Они, по обыкновению, выясняли отношения. Правдин окинул их укоризненным взглядом.

– Все ругаетесь? Вот, полюбуйтесь, Ольга Ильинична, – это наши братья Повидловы. За день вспашут любое поле. Но после работы, за столом, выясняя, какой метод вспашки прогрессивнее, обязательно подерутся.

– Но ведь главное, что поле вспахано, – заметила Ольга.

Ее ответ понравился всем, включая спорщиков. А Лепешкин, увидев младшего референта Старостину, ощутил прилив сил и продолжил с удвоенной энергией.

Но Правдин, видимо из зависти, решил тоже подключиться к дискуссии. Или хотя бы выступить в роли судьи.

– А, собственно, о чем скандалите, братцы?

Фабриков изысканным жестом интеллигента в четвертом поколении поправил очки.

– Да вот, наш господин генерал пророчит конец света. Скорый и неотвратимый.

– Календаря майя начитался? – заметил президент. – Расслабься, Валентин Феликсович. Мы вчера с Пал Палычем Глобой на тему выборов общались, заодно и эту ситуацию разрулили. Я ему пообещал новое помещение для его института астрологии, поближе к центру. А он в ответ пообещал, что конца света в этом году не будет.

– А в будущем? – исподлобья покосился Лепешкин.

– Разберемся во благовремени, – заверил его Правдин. – Давай сначала до следующих выборов доживем.

Тут он подозрительно прищурился:

– А ты что, может, знаешь что-то такое, чего не знаем мы с Игорь Палычем?

Лепешкин обиженно пожал плечами:

– Скажешь тоже, Василь Васильич! Откуда я могу знать то, чего ты не знаешь?

Главное, что знал сам Лепешкин, это то, что его шеф не любил, когда подчиненные оказывались более информированными, чем он сам. Поэтому постарался как можно быстрее рассеять это впечатление.

– Я знаю не больше вашего. Но я умею анализировать. И не понимаю, почему вы сами не желаете видеть очевидных фактов.

– Ну-ну, аналитик, организуй нам сеанс прозрения, – заинтересованным тоном предложил Правдин. – А мы, темные, слушаем.

Лепешкин прокашлялся, одарил Ольгу снисходительным взглядом оперного премьера и начал:

– Я предлагаю пойти логическим путем.

– Пойдем, – согласился Правдин.

– Так вот, – продолжил силовик. – Какие процессы преобладают сегодня в мире? Необратимое движение под уклон с последующим падением. Как в старом анекдоте: «Америка катится в пропасть, а мы ее догоним и перегоним». Штаты прошли точку возврата в девяносто девятом, когда начали бомбить Белград. Поэтому первый этап в ходе Югославских войн проиграли не сербы, а все цивилизованное человечество. Второй этап последовал через два года – атака одиннадцатого сентября на нью-йоркские небоскребы с заранее просчитанной реакцией. Вашингтон клюнул на провокацию террористов и с размаху впечатался мордой прямо в афганское дерьмо. И не может расхлебать его до сих пор. Этап третий – Ирак. Лопухи-американцы думали, что иракские шииты хотят равноправия и демократии, а оказалось, что им просто не терпится повесить Саддама. Вводить войска в Ирак было величайшей глупостью с их стороны. Такой же, как введение наших войск в Афганистан. Но теперь они, как и мы, совершили еще большую глупость – вывели свои войска. И оставили там плацдарм для исламских террористов.

В результате сейчас Ирак находится на грани раскола. И в ближайшее время развалится, как минимум, на три части – север для курдов, пустыня для суннитов и нефтяной юг для шиитов. Лидер шиитов Саид Хасан уже сейчас готов заявить об отделении южных провинций от Ирака и создании независимого государства Арабиستان. Когда-то, еще работая во внешней разведке, я курировал именно это направление. А Саид Хасан был моим агентом.

– Агент иностранной разведки лидер нации? – с сомнением в голосе спросил Правдин.

Лепешкин усмехнулся:

– Вася, Восток – это тебе не Германия. В Арабистане каждый из шестидесяти процентов мужского населения считает себя национальным лидером, каждый из тридцати – пророком, а каждый из оставшихся десяти – богом. Но вернемся к нашим баранам. Что будет дальше? А дальше поднимутся шииты в Саудовской Аравии, которая задолбала их своим ваххабизмом, и арабы-шииты Южного Ирана. А Иран – это ядерная держава. Ядерных ракет у него немного, но они есть. И, если начнется война, куда они полетят? Правильно, на Израиль. По принципу «бей жидов», а также в целях профилактики. А как на это отреагируют Штаты? Тоже нетрудно догадаться. Нанесут ядерный удар по Ирану. Добавим сюда Ливию, Сирию и Египет, которые все никак не успокоятся. Горячо получается? Итак, следующий ход за вами, господин президент! Ну, что скажете? Не пора ли начинать Третью мировую? Во всяком случае, маленькая победоносная война нашему рейтингу сейчас бы не повредила.

И он отвесил Правдину шутовской поклон. Краем глаза он посмотрел на Ольгу. Ему безразлично было, произвел ли он на нее впечатление и какое.

Президент помолчал, обдумывая сказанное помощником. Потом ответил, ровно и обстоятельно:

– Маленькая победоносная Третья мировая? Это ты хорошо сказал. У тебя, Валентин Феликсович, логика – комар носа не подточит. За исключением одного ма-а-аленького обстоятельства. Это упомянутая тобой Саудовская Аравия. Так вот, Саудовская Аравия пока еще в состоянии и своих шиитов держать в узде, и твоему бывшему стукачу Саиду Хасану, при необходимости, по сусалам так врежет, что мало ему не покажется. Независимый Арабиستان им подавай! Перебьются. К тому же в этом регионе увязаны интересы не только Соединенных Штатов, но и Англии с Францией. И все они сопли жевать не станут, а мигом свои войска обратно введут. Так что конец света откладывается.

Президент победным взором окинул оппонента и слушателей. Похоже, возражать ему никто не собирался. Тогда он с нескрываемым удовлетворением плотно припечатал кулак к полированной поверхности письменного стола и подвел итог дискуссии.

– Вот так, господа. Сейчас у нас будут дела поважнее Третьей мировой и конца света. На повестке дня у нас стоит «Контракт века». А насчет Ирака можете расслабиться. В Багдаде все спокойно.

Но мудрый президент Российской Федерации Василий Васильевич Правдин ошибался.

* * *

В Багдаде было тревожно. Президент Ирака Джаляль Талабани принимал во Дворце Республики губернатора южной мухафазы (провинции) Басра, шиитского лидера Саида Хасана.

Президент Талабани пребывал в угнетенном состоянии духа. Его не радовало даже то, что американцы выстроили, наконец, для своего посольства здание по соседству и освободили президентский дворец от своего присутствия. Президент показывал губернатору недавно отремонтированные дворцовые залы. Беседуя, они неспешно прогуливались по большому мраморному залу, причем Талабани выступал в роли гида.

– Ты знаешь историю этого дворца? – говорил он. – Его построил последний король Ирака Фейсал Второй. Его убили во время революции. Потом хозяином дворца стал Саддам Хусейн.

Как ты знаешь, он тоже погиб. Американцы устроили здесь временную резиденцию и успели вовремя сбежать. Теперь хозяином стал я. Боюсь, меня ожидает участь моих предшественников.

Дворец Республики находился в центре Багдада, в излучине реки Тигр, в районе, известном как «зеленая зона». Площадь «зеленой зоны» была невелика – около десяти квадратных метров. Когда-то здесь находились виллы правительственных чиновников, министерства и несколько дворцов Саддама Хусейна, в том числе и самый большой из них – Дворец Республики. По соседству с дворцом сейчас размещались иностранные дипломатические миссии и представительства гражданских фирм, занимающихся восстановлением Ирака. Огороженная стеной и блокпостами территория «зеленой зоны» сегодня была единственным относительно безопасным районом Багдада. Впрочем, и здесь все чаще стали греметь взрывы.

Губернатор Саид Хасан говорил мало, больше слушал и кивал головой. Но тут президент задал ему прямой вопрос, от которого нельзя было спрятаться, укрывшись восточной вежливостью.

– Ты уже слышал, что курды выступили против вывода американских войск из нашей страны? – спросил президент. – Курды – вот наши враги. Меня интересует, как ты смотришь на эту ситуацию.

Саид Хасан выдержал долгую паузу. Видимо, прямой ответ дался ему непросто.

– Почти полторы тысячи лет назад воины-сунниты халифа Язида убили предводителя шиитов, праведного имама Хусейна, да будет доволен им Аллах! Теперь мы, шииты, добились казни другого Хусейна, Саддама, который покровительствовал суннитам. Воздаяние свершилось. Круг замкнулся, пора заключить мир и объединиться на страх и погибель всем неверным врагам ислама. Я понимаю, как тяжело будет вам признать суверенитет Арабистана, – сказал он, посмотрев президенту прямо в глаза. – Но, если вы согласитесь на это, у вас не будет более верного союзника. Мы поддержим вас и в войне с курдами, и в борьбе с ваххабитами. Поверьте, лучше иметь друга по соседству, чем врага в своем собственном доме.

Президент Талабани тяжело вздохнул:

– Даже если я дам согласие, вам не удастся создать Арабистан в тех границах, о которых вы мечтаете. Третью предполагаемой территории вашего будущего государства находится на территории Саудовской Аравии. С саудитами вам никогда не договориться, они вас раздавят.

Саид Хасан склонил голову и улыбнулся уголками губ.

– Предоставьте нам самим решать эту проблему.

– Но Саудовская Аравия – это только половина проблемы. Если вы заявите о создании Арабистана, вас ждет война с Ираном.

– В ближайшее время Ирану будет не до нас, – уверенно заявил Саид Хасан.

Талабани насторожился:

– Надеетесь на иностранную поддержку? И кто же это: Соединенные Штаты, Аль-Каида или Россия?

Собеседник покачал головой:

– Не только. У нас найдутся и более могущественные друзья.

Президент недоверчиво прищурился:

– Если вы надеетесь на Британию, то напрасно. После бойни, устроенной ваххабитами на базе «Лоуренс», во всем Лондоне не найдется человека, который проявил бы к нашему региону хоть какой-то интерес.

Он ошибался.

* * *

В Лондоне нашлись, по крайней мере, два человека, которые проявляли к событиям в Южном Ираке неподдельный интерес. В это утро, а время в Лондоне отстает от иракского на три часа, они находились в застекленной кабинке знаменитого колеса обозрения, известного как «Лондонский глаз».

Кабинка-капсула могла вместить 25 пассажиров, но сейчас в ней было только двое. Беглый российский олигарх Борис Октябринович Гореславский устроил здесь конспиративную встречу с бывшим помощником секретаря ООН и мухаккимом, то есть руководителем террористической группировки «Аль-Харидж», Усамой бен Масихом.

После неудачного покушения в Сочи на членов Большой Восьмерки господина бен Масиха чуть не изгнали с позором из ООН. Ему пришлось нажать на все рычаги и педали. Место он сохранил, но временно вынужден был залечь на дно. И вот теперь господин Гореславский вызвал его, чтобы вернуть к активной деятельности.

Они говорили по-русски, так как мухакким бен Масих когда-то окончил московский университет «Имени Дружбы Народов». Кабинка медленно, со скоростью 26 сантиметров в секунду, перемещалась вверх, к максимальной высоте в 135 метров. Но пока до верхней точки было далеко.

Вопреки традиционному мнению о туманном Лондоне, погода здесь обычно бывает ясной и солнечной. Но сейчас британскую столицу окутывал самый настоящий туман. Гореславский мрачно созерцал, как пришедшая откуда-то с востока мгла накрывает ненавидимый им Лондон. Башня Биг-Бена и здание Вестминстерского дворца еле проглядывали сквозь белесую пелену, а Вестминстерский собор и вовсе терялся в ней.

– Пропал Ершалаим, великий город, – пробормотал он себе под нос.

Мухакким не понял, но тоже посмотрел вниз и с неудовольствием произнес:

– Какая же это конспиративная встреча, если нас видит половина города?

Борис Октябринович отмахнулся:

– Если хочешь сделаться незаметным, торчи у всех на виду. К тому же если нас и разглядят сквозь туман, то примут за парочку романтических гомосексуалистов.

Бен Масих покачал головой:

– Это верно. Еврей и араб в одном флаконе – вещь невозможная.

– Почему? – возразил Гореславский. – Не так давно еврей Рубини и араб Талеб предсказали мировой экономический кризис. Не забывай, что Исаак и Исмаил оба были сыновьями Авраама. Если бы евреи и арабы объединились, они бы овладели всем миром. И где бы тогда оказались американцы и европейцы? После одиннадцатого сентября они раздевают и обшаривают в аэропорту каждого пассажира. Даже меня, – проговорил он с возмущением. – Глупцы! Ведь для того, чтобы направить самолет на объект, нужны не пассажиры. Нужен пилот. Или член экипажа, имеющий некоторые навыки пилотирования. Им может быть любой: штурман, бортинженер, бортпроводник, наконец. Главное – чтобы он немного умел летать и мечтал умереть за свои идеалы. Тогда ему ничего не стоит уничтожить остальных членов экипажа и самому сесть за штурвал. И выполнить свой долг.

Бен Масих с недоверием покачал головой:

– Кто же пустит араба за штурвал американского, английского или французского лайнера?

Борис Октябринович усмехнулся:

– Кроме английских и французских существуют еще ливийские, кувейтские или египетские самолеты, которые летают по всему миру. Так что здесь нет ничего невозможного.

Бен Масих помялся:

– Как я понимаю, у вас уже все готово для акции возмездия. Тогда зачем вы позвали меня?

Гореславский ответил мудрой улыбкой змий:

– Я хочу, чтобы ты снова возглавил свою организацию. Я же не могу руководить ею все время. После неудачного покушения на членов Большой Восьмерки тебе дали достаточно времени, чтобы восстановить силы. Теперь пора вернуть долги. Твой помощник введет тебя в курс всех дел. Да, у меня к тебе будет личная просьба. Я имею в виду это чертово колесо. Надо сделать так, чтобы оно упало прямо в Темзу. И чтобы в этот момент на нем было побольше народа. Представляешь, какие брызги поднимутся?! Я хочу заснять это зрелище на камеру прямо с моего балкона. И выложить в Интернете. Здесь тридцать две кабинки по двадцать пять человек в каждой. Прессе будет о чем писать. Мы их трахнем!

Глаза бывшего олигарха загорелись злобным огнем.

– А как наши дела в Афганистане? – спросил он после недолгой паузы.

Усама бен Масих помрачнел:

– Плохо. Когда я улетал из Мирабада, американцы окружили Эмира Джихада в районе пакистанской границы. Американцы обложили его, как лису в норе.

Эмиром Джихада звали неуловимого лидера боевиков, возглавившего наиболее радикальное крыло Аль-Каиды после гибели Усамы бен Ладена.

Гореславский усмехнулся:

– У лисы в норе редко бывает один вход. Эмир Джихада слишком хитер, чтобы попасть в руки наших врагов.

Кабинка миновала верхнюю точку и начала спуск.

Гореславский по лицу собеседника определил, что того обуревают сомнения.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил он напрямик.

– Да, Саудовская Аравия, – признался тот. – В прошлый раз саудовские ваххабиты предупредили меня, что, если я буду продолжать свою деятельность, меня убьют. А их спецслужбы – это вам не европейцы и даже не американцы. От них не спрячешься, они найдут где угодно и сдержат слово.

Господин Гореславский любил, когда его называли сокращенно, по инициалам, «господин БОГ». Вот и сейчас он изображал из себя божка, всемогущего и всеведущего.

– Ты бывал когда-нибудь в Йемене? – спросил он.

– Конечно, и не раз, – ответил бен Масих. – Жуткая страна. Двадцать четыре миллиона голодных и нищих, поголовно вооруженных автоматами Калашникова. А у вождей их племен я видел на вооружении и тяжелую технику.

– И как ты думаешь, – спросил Гореславский, – почему эти нищие и голодные, но до зубов вооруженные люди до сих пор не обрушили свой праведный гнев на соседнюю Саудовскую Аравию, где восемнадцать миллионов зажавшихся обывателей купаются в роскоши и давно забыли, что такое воевать? К тому же Саудовская Аравия когда-то захватила часть Йеменской территории, и йеменцы этого не забыли.

Бен Масих задумался:

– Я думаю, это из-за того, что в Йемене все жуют кат. От этого наркотика они все ходят полусонными под кайфом.

– Да, причиной – он, «Кат Съедобный», вечнозеленый кустарник семейства бересклетовые. А если их лишить этого удовольствия? – хитро прищурился Гореславский.

Бен Масих рассмеялся:

– Это все равно что лишить русских водки. Я читал, что в России это пытались сделать дважды. И дважды это приводило к революции.

Засмеялся и Борис Октябрьевич.

– Ты правильно понял мою мысль.

– Лишить йеменцев ката? Это будет трудно сделать, – заметил бен Масих.

– Это уже сделано, – с гордостью заявил Гореславский. – Сначала я сосредоточил производство и торговлю катом в своих руках. У меня был самый дешевый товар, что разорило всех моих конкурентов. Сейчас все плантации ката уже уничтожены. Склады пусты. Народ уже беспокоится.

– А импорт? – возразил бен Масих. – Ведь кат можно завезти из Эфиопии или Сомали.

– Можно, но на это потребуется время. К тому же невозможно завезти кат в таком количестве. В самое ближайшее время народ Йемена окончательно озверевает и будет искать, на ком сорвать свою злость. И мы ему укажем. Ты знаешь, что средний возраст саудовских принцев – за восемьдесят пять лет? Я не обещаю им спокойной старости. Так что тебе ничто не угрожает.

Колесо сделало получасовой оборот. Кабинка опустилась, и Гореславский направился к выходу.

– Ступай, и постарайся не повторять прошлых ошибок, – напутствовал он мухаккима.

Тот хищно оскалился:

– В прошлый раз наш замысел сорвали проклятые русские спецназовцы, – прорычал он в ответ.

Борис Октябрьнович прикрыл глаза и голосом прорицателя сообщил:

– Успокойся, на этот раз никаких русских спецназовцев не будет.

Но он ошибался.

* * *

В полете спецназовцы, по обыкновению, пользовались вынужденной паузой, чтобы запасть силами на будущее. То есть отсыпались. Орлов не обладал пока качествами настоящего десантника, поэтому заснуть в таких условиях не сумел. Самолет время от времени начинало болтать, иногда он проваливался в воздушную яму, иногда делал слишком крутой вираж. Все это не позволяло расслабиться. Кроме того, ложе оказалось жестковатым. В ребра упирались какие-то твердые углы. Капитан безуспешно ворочался, пытаясь найти удобную позу.

– Да ты разуйся, – не открывая глаз, пробормотал сквозь сон Поручик.

Орлов последовал его совету. Он расшнуровал высокие прыжковые берцы фирмы «Коркоран» с вшитой стропой, снял и поставил их рядом. Ему сразу стало легче, и он все-таки задремал.

Спал он долго и проснулся от того, что ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Открыв глаза, он увидел, что Поручик сидит и с интересом разглядывает его ноги.

Заметив, что Орлов проснулся, Голицын спросил его:

– Это что на тебе такое?

Капитан проследил за его взглядом, понял, куда тот смотрит, и пояснил:

– Это военно-промышленная НАНО-технология. Последнее слово обороны.

– Что за НАНО? – не понял Голицын.

– Носки Армейские Нового Образца, – расшифровал аббревиатуру специалист по переводу. – Разработаны для новой полевой формы. Всесезонные. Восемьдесят процентов хлопка, внутри махровый слой для сохранения температуры и отвода влаги. Имеют компрессионную резинку, чтобы носок не сполз и не натер ногу. Но и кровообращение не нарушают. Там еще много всяких прибамбасов. Короче, когда в них ходишь, нога совершенно не устает, не потеет и не натирается. У меня их целая упаковка, если размер подойдет, могу поделиться.

Тут самолет тряхнуло так сильно, что десантники хором лязгнули зубами и выругались в один голос. Над пилотской дверью зажглась самодельная надпись.

«Атас, садимся!»

При посадке «горбатый» еще раз тряхнул свое содержимое так, что даже привычные ко всему пассажиры чуть кости себе не переломали. Самолет повело в сторону, но он выпрямился и продолжил путь.

– Эй, водила, полегче! Не дрова везешь! – заорали наперебой спецназовцы.

Самолет прокатился по бетонке, остановился, и тут под фюзеляжем что-то громко хрустнуло. «Горбатый» накренился на правый борт. Туда же съехали и пассажиры. Лязгнула дверь кабины пилотов и оттуда, матерясь, показались летчики.

– Кажись, шасси накрылось, – сообщил один из них.

Он не ошибся. При осмотре оказалось, что стойка правого шасси была подрублена странным предметом, похожим на осколок снаряда. При посадке она надломилась, а потом и вовсе сломалась пополам. Только благодаря чуду и мастерству пилота катастрофу удалось предотвратить.

– По нам что, ракету пустили? – раздраженно спросил командир экипажа.

– Нет, – в недоумении ответил «правак», второй пилот, разглядев снаряд. – Похоже на осколок бутылки.

Спецназовцы с пониманием переглянулись. Посылка все-таки дошла, хотя и не выполняла своего назначения.

– Обратно теперь не скоро полетим, – виновато сообщил десантникам командир экипажа. – Тут для наших самолетов запчастей не найдешь. Разве что колеса от «Боинга» подойдут.

– А нам что делать? – в некоторой растерянности поинтересовался майор Серегин.

– Сдадите груз и можете отдыхать. И не переживайте. С первой оказией отправим вас домой.

После закрытия базы «Манас» база «Алмамбет» стала основным местом американского присутствия в Средней Азии. Здесь находился главный перевалочный пункт для обеспечения американских войск в Афганистане.

Российское правительство на правах союзников держало по соседству свою небольшую техническую площадку, предназначенную якобы для ремонта и обслуживания нашей воздушной техники. На самом же деле, и в этом пилот не соврал, никакой техники тут не ремонтировали, а занимались слежкой за американцами. Официально это называлось «координацией совместных операций». Руководил этой деятельностью полковник Завальный.

Сразу после посадки «горбатого» он явился на взлетное поле во главе небольшой автоколонны, состоявшей из грузовичка и двух джипов. Поздоровавшись с летчиками, он направился к майору Серегину.

– Ну что, привезли? – спросил он. – Показывайте, где тут наш прибор.

Приехавшие с ним солдаты в новеньком пиксельном камуфляже перегрузили контейнер в кузов грузовичка. После этого полковник отвел Серегина в сторону и сказал тихим голосом.

– Слушай, майор, летуны мне сказали, что у них авария и обратно они полетят не скоро. Может, доведешь дело до конца? Мне этот прибор надо в Афган перебросить. Там должны пройти его ходовые испытания. Конструктор уже дожидается, с ним комиссия...

Серегин не понял:

– Так его что, американцы будут испытывать?

Полковник замялся:

– Понимаешь, создали генератор мы, но на американские деньги. Совместный проект. Поэтому и комиссия будет совместная. Так как насчет сгонять туда и обратно? Агрегат ценный, секретный, а у меня людей не хватает, чтобы его охрану обеспечить. Ну что, возьметесь?

Серегин помолчал.

– Один я не решаю, надо с группой посоветоваться.

Выслушав командира, его подчиненные раздумывали недолго. Общее мнение высказал Поручик.

– Если мы и дальше повезем эту бандуру, то, может быть, сможем выяснить, какая гнида хотела нас взорвать.

Замечание сочли резонным.

– Возражения есть? – спросил Серегин.

– Есть, – ответил Копняк. – Бандура – это украинский музыкальный инструмент.

– А в остальном?

– В остальном согласен.

На одном из джипов спецназовцев с ветерком доставили на небольшую вертолетную площадку. Здесь под парами стоял старенький «Ми-24», в просторечье известный как «крокодил». Но зато, в отличие от более современных и навороченных «Ми-28» или «Ка-50», он имел десантный отсек, куда бойцы полковника Завального уже установили контейнер. С горем пополам поместились и спецназовцы. В отличие от транспортного, у этого аппарата сиденья шли не вдоль стен, а размещались посередине салона спинками друг к другу.

– Да, здесь если и поспишь, то разве что сидя. Как Пугачев в клетке, – приуныл Поручик.

– Не журысь, хлопче, – утешил его Копняк. – Тут всего-то полторы тыщи верст. Часов пять – и будем на месте.

Перед тем как захлопнуть дверь десантного отсека, Поручик окинул вертолетную площадку скептическим взглядом:

– Аэропорт Орли, блин! Осторожно, двери закрываются.

Копняк оживился:

– А знаешь, почему Орли так называется?

– Только не говори, что в честь какого-нибудь гетмана или запорожского атамана.

– А это именно так. У Мазепы был сподвижник, Пилип Орлик, который написал первую украинскую конституцию. Вместе с Мазепой он бежал после Полтавской битвы за бугор. Потом сам стал гетманом, а во Франции дослужился до маршала.

– До генерал-лейтенанта, – застенчиво поправил всезнающий Птенчик.

Копняк метнул в сторону капитана убийственный взгляд, но сделал вид, что пропустил его реплику мимо ушей. И подытожил:

– Вот в честь него и назвали аэропорт – Орли.

– А почему не «Орлик»? Или французы букву «К» не выговаривают? – проворчал Поручик.

Все задумались и представили себе, как может выглядеть аэропорт Орли. В мечтах возник образ рая на земле. Здания из стекла и металла, зеленые газоны, ровные бетонные полосы, где с астрономической точностью садились и взлетали десятки самолетов. Всем было понятно, что здесь не может случиться ничего, что нарушило бы идеальный мир и порядок.

И все ошибались.

* * *

Те, кто думал, что в аэропорту Орли не случилось и не может случиться ничего из ряда вон выходящего, сильно ошибались. Так, 13 января 1975 года террористы под руководством знаменитого Карлоса Шакала попытались взорвать самолет израильской авиакомпании «Эль Аль». Взрыв не удался. Карлос повторил попытку 17 января, впрочем, снова неудачно.

Сейчас на посадочную полосу аэродрома заходил лайнер ливийской авиакомпании «Либиан Эйрлайнс». Погода стояла прекрасная, видимость была отличная. Тем не менее лайнер повел себя довольно странно. Выйдя на предпосадочную прямую, он не стал сбрасывать скорость, а промчался над удивленными сотрудниками аэропорта и устремился дальше.

Лайнер пролетел над Орли и направился на север – на Париж. Он взял курс на Эйфелеву башню, скользнул над ней, над дворцом Шайо. Под правым крылом мелькнула Триумфальная арка. Дальше по курсу торчала нелепая гигантская коробка Большой арки.

Впереди тянулись ввысь небоскребы крупнейшего в Европе делового центра Дефанс. Особенно выделялись ростом три новых башни, достигающие высоты в триста метров: башня Фар, то есть Фонарь или Маяк, Синаль – Сигнал и Женерали. Конечно, они были в полтора раза ниже печально известных нью-йоркских небоскребов «Близнецов», но смотрелись весьма внушительно.

Башни выглядели несокрушимым воплощением могущества и стабильности европейской цивилизации.

Но думать так было ошибкой. Очень большой, прямо-таки смертельной ошибкой.

Глава 2, в которой Америка плетет интриги, а русские снова должны спасти весь мир

Утомительный полет над пустыней подходил к концу. Вертолет перевалил горный хребет и стал спускаться в пустынную и мрачную, как на картинках ада, долину. И тут с соседней вершины по кабине вертолета хлестнула пулеметная очередь. Боковые стекла в кабинах были единственным не бронированным местом в вертолете, его ахиллесовой пятой. Противник это знал и целил именно туда. Стрелок погиб, а сидевший позади и выше него пилот оказался серьезно ранен. Но у него хватило сил, чтобы посадить машину на ровную площадку в конце долины.

Винт еще продолжал вращаться, когда десантники высыпали из машины. Афганское солнце палило нещадно.

– Ну, вот мы и дома. Приятная погодка, – утирая пот, выругался Поручик. – И пейзаж – просто глаз не нарадуется. Разнообразный – тут горы, там песок. Эх, братцы, вот бы сейчас в дремучем лесу заблудиться. Или в болоте увязнуть. На худой конец – в сугробе замерзнуть. Надоел песок и жара надоела.

Серегин постарался утешить старшего лейтенанта.

– Не волнуйся, скоро и прохладой насладишься. Не гляди, что сейчас сорок градусов тепла. Ночью минус три будет.

– Да уж, климат райский, – согласился Копняк.

Выбираясь из десантного отсека, он повесил на широченное, как коромысло, плечо три коротких десантных автомата «АКСУ» – три «поросенка» или «сучки», как называли их в войсках. Орлов штатного оружия получить не успел.

– Мой возьми, – расщедрился Поручик. – Мне без надобности, я ножом больше навоюю, чем этим безобразием.

Старший лейтенант не одобрял оружия с укороченным стволом и укороченным патроном.

– Спасибо. – Орлов забрал один из автоматов и спросил: – А почему мы не сказали про бомбу тому полковнику на «Алмамбете»?

Голицын криво усмехнулся:

– Ты его знаешь? Я, например, так первый раз в жизни встретил. Может, эту бомбу в Москве его сообщники и заложили. Тут верить никому нельзя. А кому можно, я тебе потом скажу, отдельно. Пусть лучше тот, кто отправил нам посылку, думает, что она просто не сработала, и мы – лопухи – ни о чем не догадываемся.

Разговоры не помешали десанникам действовать. Серегин помог пилоту выбраться из кабины и наскоро перебинтовывал простреленное плечо.

– Как стрелок? – сквозь зубы спросил пилот.

– Наповал. Точно в голову. Крупный калибр, двенадцать и семь, – отозвался Копняк.

Прапорщик с Орловым успели занять круговую оборону, прочесывая глазами склоны гор. Они понимали, что, если пулеметчик захочет продолжить на них охоту, укороченные десантные автоматы вряд ли помогут.

– А где Поручик? – спросил Серегин.

Копняк свистом и движением руки изобразил некое змеиное движение. Этим он хотел сказать, что Поручик отправился в поиск. Майор покачал головой, но ничего не сказал. Он добрался до пилотской кабины и постарался связаться по рации с ближайшим постом американцев. Но вместо английских слов в наушнике зазвучала гортанная арабская речь.

– Этого только не хватало! – выругался майор.

Тем временем Поручик поднимался в гору. Сложный маршрут он одолел с легкостью архара. И с противником встретился раньше, чем предполагал. Тот решил сменить позицию, чтобы наверняка расстрелять экипаж сбитого вертолета и тех, кто придет ему на помощь.

Пулеметчик и трое его помощников неторопливо спускались со своей поклажей по тропинке, когда за высоким уступом скалы неожиданно наткнулись на Поручика. Тот был вооружен только спецназовским ножом «Катраном», так как автомат оставил Орлову.

Сейчас, в ближнем бою, коротышка «АКСУ» мог бы пригодиться, но Поручик никогда не сомневался в правильности сделанного выбора. Впереди, нагруженный пулеметными коробками, осторожно вышагивал крепкий басмач. Помимо пулеметных принадлежностей он оказался навьючен автоматом, большим пистолетом в кобуре, кинжалом и украшен патронными лентами через оба плеча. В общем, напоминал матроса Железняка, который своим грозным видом распугал Учредительное собрание.

В его положении больше пользы принесла бы обыкновенная палка. Ей он мог бы просто столкнуть нападавшего в пропасть. Но в пропасть полетел он сам с распоротым животом. А Поручик занялся следующим. Этот оказался более вертким, к тому же успел изготовиться к схватке. Впрочем, это ему не помогло. Спустя секунду он рухнул на камни, заливая тропинку кровью из пробитого клинком горла.

Шедший за ним огромный бородач сбросил сорокакилограммовый пулемет, который легко нес на плече, и выхватил из кобуры компактный автомат «узи».

«Интересное сочетание, – отметил про себя Поручик. – Лицо арабской национальности, а оружие предпочитает еврейское. Глобализация, однако».

Через секунду пули свинцовым роем взбили каменную крошку, ударяясь в скальную породу в том месте, где только что стоял старший лейтенант. Бородач повел стволом и дал новую очередь. И снова мимо. Он каждый раз запаздывал с выстрелом не более чем на полсекунды. Но при каждом выстреле цель успевала исчезнуть, прежде чем ее настигла бы хоть одна пуля. Поручик сделал финт корпусом, вызвав следующую очередь в пустоту, стремительным броском приблизился к стрелку вплотную и ударил в висок основанием рукоятки ножа. Массивная металлическая головка рукоятки с хрустом проломила кость.

Голицын оттолкнул гигантское, враз обмякшее тело и взглянул на последнего противника. Тот, похоже, был в группе главным. И одет приличнее остальных, в песочный пиксельный камуфляж, и вооружен лучше. На поясе его сверкал хромированный «кольт» калибра ноль целых сорок пять сотых дюйма. Его кожух-затвор был покрыт затейливой гравировкой. Мощная пушка, к тому же не из дешевых. Наверняка с убитого офицера снял, рангом не ниже полковника. И не сам, конечно. Шестерки постарались. Рукоятка его кинжала была отделана серебром. Такой вполне мог оказаться амиром – полевым командиром. А звание амира присваивают вовсе не за успехи в учебе и политической подготовке. Поручик приготовился к серьезной схватке.

* * *

После ухода Мухаммеда аль-Барадеи с поста главы агентства МАГАТЭ оказалось, что он, пользуясь своим служебным положением, просто скрывал тот факт, что Иран давно обладает ядерным оружием. Скандал устраивать не стали, просто отправили в Иран новую группу экспертов. И вот теперь те возвращались в Вену, где располагалась штаб-квартира Международного агентства по атомной энергии. Под крылом самолета сверкали сияюще-белые воды озера Урмия.

Эксперты пребывали в состоянии шока. Теперь наличие у Ирана ядерного оружия невозможно было скрыть. Какие санкции применит к Ирану Запад и как отнесется к этому Россия, невозможно было представить. Разве что увидеть в кошмарном сне.

Конфликта, разумеется, никто не хотел. Члены комиссии как раз обсуждали существенные детали доклада, которые могли бы хоть как-то смягчить окончательные выводы, когда в хвост самолета, которым они летели, ударила ракета.

Самолет потерял управление, сорвался в штопор и по немыслимой кривой врезался в поверхность озера. Спустя несколько минут безжизненные, лишенные рыбы, соленые воды озера сомкнулись над обломками, и ничто более не напоминало о произошедшей катастрофе.

* * *

Десантники оставались возле вертолета. Пилота перебинтовали более основательно. Копняк вколол ему промедол из аптечки, и тот не то заснул, не то отключился.

Серегин собрался было уже вызывать Поручика по радиии, когда тот сам появился со стороны горного склона. Старший лейтенант шагал, навьюченный горой оружия: тяжелым пулеметом, автоматами, боеприпасами. И какими-то тряпками.

Подойдя к товарищам, он с невообразимым грохотом свалил свою поклажу.

Копняк даже свистнул от удивления:

– Ты что, один всю эту кучу притащил?

Голицын с облегчением перевел дух:

– Ну, нет, зачем. Я одного басмача в плен взял, он мне помог все с горки спустить. А по ровному, тут уж я сам.

Майор с удивлением огляделся:

– И где он, твой пленный?

– Там, – махнул рукой в сторону горы старший лейтенант. – Я его отпустил.

– А если он своих вызовет?

– Не вызовет. Нет у него ни телефона, ни радиии. Я у него все забрал. Голым отпустил.

Серегин поморщился:

– Голым? В этих горах? Он же к утру замерзнет. Если чего похуже не случится. Лучше бы ты его убил.

Поручик почесал кончик носа:

– Вообще-то я тоже так подумал. И убил. Ну, действительно, зачем человека мучить? К тому же это он у них командовал. Остальные на него батрачили, пулемет за ним таскали, чистили, наверно, заряжали. А он только целился и стрелял. Эксплуататор, бай хренов.

Копняк и Орлов разбирали принесенное Поручиком оружие.

– Никак не могу с нашими связаться, – пожаловался майор Серегин. – Я передал наши координаты, но боюсь, как бы нас духи не засекли.

Он как в воду глядел.

Вдали, километрах в десяти, показалась колонна из трех машин. Майор поднес к глазам бинокль.

– Кто это может быть? Наши или духи? За пылью не разобрать.

Поручик тоже взгляделся в низину.

– Скоро узнаем. Но будем исходить из худшего. Слышь, Мыкола, не в службу, а удовольствия ради. Нацеди из бака полведерка керосинчика.

– А сам переломишься?

– Ты же по части техники профессор. А я полчаса буду ведро искать, и еще полчаса – где бак открывается. Сам знаешь, откуда у меня руки растут. Из головы.

– Опять что-то затеял? – прищурился Копняк, покачал головой и, не дожидаясь ответа, отправился наливать керосин.

Майор тоже окинул Голицына подозрительным взглядом.

– Ну, признавайся, что задумал.

– Хитрую военную хитрость, – ответил Поручик и принялся объяснять командиру суть своей идеи.

Выслушав, тот кивнул и указал на раненого.

– А пилот?

– Спрячем в вертолете. Я же остаюсь здесь. Пока я жив, с ним ничего не случится. А убить меня не просто.

– Ладно, уболтал, действуем, – майор хлопнул Поручика по плечу.

Подошел Копняк с ведром, от которого исходил резкий запах керосина. Поручик забрал ведро, затолкал в него принесенную одежду, снятую с душмана. Подумав, извлек из вертолета пару резиновых ковриков и сунул туда же. Потом отошел от вертолета на несколько шагов и прикопал ведро в песок.

– Дуйте отсюда, что застыли? – напутствовал он товарищей. – А я пока дымовую завесу поставлю.

Серегин повернулся и бегом повел Копняка и Орлова в сторону гор. С собой они забрали все автоматы, свои и трофейные. Поручик оставил себе пулемет и «кольт» амира. Неподалеку от вертолета он окопался и устроил себе и пулемету уютное гнездышко. Потом поджег керосин в ведре.

К тому моменту, когда вероятный противник на трех джипах приблизился на несколько сотен метров, десантники успели занять позицию. Они укрылись за большими обломками скал, устилавшими подножие ближней горы. С такого расстояния принадлежность гостей больше не вызывала сомнений. Это были бандиты.

Чадающий факел они увидели издалека. И ситуацию просчитали с полпинка. Перед ними горел сбитый вертолет. Вопрос стоял в том, остались ли в живых члены экипажа, и если да, то куда они делись.

И, как бы предвосхищая их вопрос, со стороны гор послышались автоматные очереди. Душманы на время потеряли интерес к вертолету и переключились на возникшую опасность. Они промчались мимо горящего вертолета, обдав его облаком песка. Через секунду Поручик оказался в глубоком тылу атакующих. И изготовил пулемет к стрельбе.

Пулемет ПКМ был ему хорошо знаком. Он заряжался мощными длинными винтовочными патронами. Конечно, не ДШК, но тоже машинка серьезная. В этот момент противник на редкость удачно подставил стрелку свой незащитный зад. И не захочешь, а выстрелишь. Голицын захотел.

Тремя короткими очередями он продолбил все три джипа. Одному – так уж повезло – угодил в бензобак. Трассирующая пуля с зеленым носиком, заряженная в ленту одна через две простых, зажгла бензин. Джип подбросило, он полыхнул и опрокинулся, задев соседний. Бандиты посыпались из машин, как яблоки из перевернутой корзины. Поручику даже стало немного стыдно истреблять их как цыплят. Но, как говорится, стыд не дым и глаз не выест. И он длинной очередью ополовинил ряды противника.

Удара в спину бандиты не ждали и растерялись. Джип был битком набит боевиками, поэтому взрывом убило и ранило чуть ли не четверть общего количества врагов. Столько же скошил огнем Поручик. Остальные залегли вокруг машин, стараясь держаться подальше от бензобаков.

Но, перегруппировавшись, они тут же попали под огонь майора и его спутников. Десантники взяли их в клещи и теперь расстреливали с двух сторон, как мишени в тире. Тех, кто пря-

тался от пулемета Поручика, настигали автоматные очереди со стороны горы. И наоборот, если кому-то удавалось укрыться от команды Серегина, он попадал на мушку старшего лейтенанта.

Душманы пытались отстреливаться. Но вести прицельный эффективный огонь, когда тебя с двух сторон поливает свинцовый дождик, дело практически невозможное. Кто-то попробовал закопаться в песок, но безуспешно. За неполных пять минут группа нападавших была полностью уничтожена.

Прекратив огонь, десантники собрались возле неподвижных тел. По знаку Серегина Поручик и Копняк проверили убитых и добили тех, кто еще дышал. Законы войны спецназа не предполагали рыцарского великодушия по отношению к раненому врагу. Орлов поморщился, но ничего не сказал.

Тут со стороны третьего, последнего джипа, который остался на колесах, послышались крики и стук. Десантники направили стволы на источник шума. Поручик жестом остановил товарищей, затем сам осторожно приблизился к задней двери джипа. И рывком открыл ее.

В кузове джипа помещался зарешеченный собачник, похожий на те, что были оборудованы в милицеских «уазиках» для перевозки задержанных. В собачнике сидел человек в рваном песочного цвета камуфляже. Копняк бросил Поручику свой автомат, тот выстрелом сбил замок и распахнул решетчатую дверцу. Человек в рваном камуфляже выбрался наружу.

– Кто такой? – спросил его майор.

– Капитан Маккена, – представился пленник по-английски. – Морская пехота США.

– Морская пехота? – удивленно протянул Копняк. – А море-то тут откуда?

– Оттуда же, откуда и американцы, – ответил Поручик.

И замысловато выругался.

* * *

Президент Северо-Американских Соединенных Штатов мистер Зебрак Бонама сидел за своим столом спиной к большим окнам, выходящим на юг. Послышался осторожный стук, открылась северо-восточная дверь, и вошел секретарь президента.

– Вас срочно хочет видеть директор ЦРУ, – доложил он.

Президент строго глянул поверх очков:

– Пригласи его.

Спустя несколько секунд директор ЦРУ Дэниел Питерс переступил порог Овального кабинета. Его бледное лицо с синяками под глазами носило печать усталости и тревоги. Президент поднялся ему навстречу, пожал руку и предложил:

– Если не возражаете, пройдем в сад. Сегодня прекрасная погода и там нам никто не помешает.

Через восточную дверь они вышли в Розовый сад.

Президент был мрачен и немногословен.

– Началось? – только и спросил он.

– Да, – столь же лаконично ответил Питерс.

– Скоро об этом узнает весь мир, – проговорил Бонама. – Прошу вас, сообщите детали.

Директор ЦРУ прокашлялся, его голос звучал хрипло.

– Несколько минут назад парижский деловой центр Дефанс был атакован самолетами ливийской, египетской и сирийской пассажирских авиакомпаний. Как небоскребы «Близнецы» в Нью-Йорке. Башня Фар разрушена, башни Женерали и Синаль горят. Кроме того, тунисский самолет атаковал «Лондонский глаз» – колесо обозрения. По счастливому стечению обстоятельств экскурсантов на колесе не было, иначе жертв было бы гораздо больше.

– Неужели никто не пострадал? – с надеждой в голосе спросил президент Бонама.

Директор ЦРУ сокрушенно покачал головой и вздохнул.

– Если бы... Колесо было арендовано для специального мероприятия. Бывший премьер-министр Британии Тони Блэр организовал международную конференцию для банкиров, чиновников Евросоюза и руководства республики Косово, развитию которой уделял много внимания. В программу отдыха делегатов входила обзорная экскурсия «Лондон с высоты птичьего полета». В общем, они оказались на этом чертовом колесе в самый неподходящий момент, и все погибли. По Парижу пока неясно. Строительство башен Дефанс было закончено недавно и народу там работало немного. Из башен начата экстренная эвакуация. Цепная реакция началась. Независимо от дальнейшего развития сценария, операцию «Зульфикар» можно считать осуществленной.

Президент склонил голову:

– Значит, все идет по плану?

Директор ЦРУ замялся:

– Не совсем. Час назад в вашингтонском ресторане убит министр обороны Саудовской Аравии принц Сальман ибн Абдалла, который находился у нас с визитом.

Президент нахмурился:

– Это очень скверно. С тех пор как евреи дали мне понять, что не выложат на мои выборы ни цента, я сильно рассчитываю на деньги Саудовской Аравии. Убийцы установлены?

– Да, их двое. Оба уроженцы Ирана. Точнее, Хузестана. Этнически они – арабы шииты. Надеюсь, это обстоятельство не сорвет наших планов.

Президент Бонама озабоченно потер кудрявый затылок.

– Я давно хотел спросить, почему вы дали операции такое странное название – «Зульфикар»? Ведь это имя носил меч пророка Мухаммеда, мир ему и благословение...

Он замолчал, поняв, что сказал лишнее.

Но директор ЦРУ сделал вид, что не заметил оговорки.

– Да, верно, – согласился он. – Согласно легенде, во время сражения острие меча Мухаммеда обломилось, и конец его оказался раздвоенным. Пророк оказался в смертельной опасности, но не растерялся и нанес сломанным клинком колющий удар прямо в глаза противнику, ослепив его. Смысл операции «Зульфикар» состоит в том, чтобы ослепить мусульманских фундаменталистов их собственным фанатизмом и навсегда покончить с так называемой мировой исламской угрозой. Для этого необходимо создать условия для прихода к власти в арабских странах Северной Африки и Ближнего Востока экстремистов. Это неизбежно ввергнет исламский мир в истребительные гражданские и междоусобные войны, которые повлекут разорение и упадок всего региона. Правление фундаменталистов отторгнет регион от России, Центральной Азии, Китая, Индии, Индонезии – наших конкурентов в борьбе за влияние. И вызовет дестабилизацию всего Востока, что позволит нам поставить его под полный контроль. Развитие большей части арабского мира остановится, он будет опрокинут обратно в Средневековье.

Президент Бонама кивнул:

– Совершенно с вами согласен. Наши предшественники совершили много ошибок. Дело в том, что диктатуры Милошевича, Саддама Хусейна, Каддафи и некоторые другие поддерживали баланс в некоторых очень взрывоопасных и неустойчивых регионах. Уничтожив эти режимы, они выпустили из бутылки разрушительного и неконтролируемого джинна радикального исламизма. И теперь вместо нескольких вполне вменяемых диктаторов мы имеем толпы фанатиков с сознанием дикарей, оснащенных самым современным оружием. Которое мы же им и предоставили. Но это неправильно. Дикари должны воевать дубинами и копьями, а не ядерными ракетами. Мы не должны этого допустить. И не допустим.

Лицо директора ЦРУ искажилось, будто он съел целый лимон прямо с кожурой.

– К сожалению, ядерное оружие у них уже имеется. В частности, Иран обладает ракетами средней дальности «Шахаб» и «Гадр» с ядерными боеголовками. И, вероятнее всего, иранцы обрушат их на Израиль.

Голос президента прозвучал в ответ глухо, но твердо.

– Мы ответим адекватно. Ударом на удар. Ядерным ударом на ядерный удар. Это будет справедливо.

Тут директор ЦРУ просто испугался:

– Но тогда весь Ближний Восток превратится в сплошную атомную воронку! – воскликнул он. – И Израилю мы ничем не поможем. Скорее, наоборот, похороним его под грудой радиоактивных развалин.

Президент Бонама пожал плечами:

– Ну, что же, чем-то придется пожертвовать. В конце концов, если американские евреи отказались финансировать мою выборную кампанию, почему я должен заботиться об их собраниях на Ближнем Востоке? К тому же следует признать, что создание государства Израиль на исторической родине было политической ошибкой. Кстати, сам его создатель, Бен-Гурион, пришел в конце жизни к такой же мысли. Проблема безопасности Израиля не может быть решена ни сейчас, ни в обозримом будущем. Палестинцы всегда стремились и будут стремиться уничтожить государство евреев. Думаю, если граждане Израиля переедут на жительство в США, от этого выиграют все. Израильяне обретут спокойную жизнь, Америка получит полезных стране иммигрантов, а арабы утратят главный внешний раздражитель и обратят свою разрушительную энергию на самоуничтожение. Это также позволит разжечь антиисламские настроения в Европе. Я не вижу другого способа решения проблемы, кроме дискредитации исламизма, разрушения и полной изоляции арабских стран.

Директор ЦРУ пристально посмотрел на Зебрака Бонаму.

– С евреями понятно, но скажите откровенно, господин президент, почему вы так сильно ненавидите арабов?

Тот в ответ усмехнулся:

– Откровенно? Ну, хорошо, слушайте. Мои предки – народ луо, живущий в Северо-Восточной Африке. Вы когда-нибудь слышали про знаменитого русского поэта Пушкина? Так вот, мы с ним из одного племени. А знаете, как его предок попал в Россию? Он был продан арабскими работорговцами. Вы, конечно, слышаны об ужасах европейской работорговли. За четыреста лет белые вывезли из Африки более шестидесяти миллионов человек. Но мало кто знает, что арабы продали в рабство столько же, если не больше, африканцев. Они начали этот позорный промысел в восьмом веке и не прекратили его по сей день. От их действий страдали главным образом области, где жили мои предки. Все земли в бассейне Нила были хищнически разграблены и практически обезлюдели. Так за что мне любить арабов?

– Но вы и Африку не жалуете, – заметил директор ЦРУ.

Президент кивнул:

– Да, это плохое место. Знаете, чем Африка отличается от Америки? В Африке человек из народа луо никогда не смог бы стать президентом. Вы хотите спросить еще что-то? Тогда последний вопрос и интервью закончено.

Директор ЦРУ вспомнил об оговорке президента. Вопрос о вероисповедании главы государства так и вертелся на языке. Но вместо того, чтобы выяснить отношение мистера Бонамы к исламу, Питерс сказал:

– Я считаю «Зульфикар» проектом беспрецедентным, как по цинизму, так и по смелости замысла. Цинизм для политика необходим, вспомним хотя бы бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Но меня поражает ваша смелость. Скажите, господин президент, вы вообще кого-нибудь боитесь?

Бонама гордо улыбнулся, показав прекрасные зубы.

– Луо боятся только масаев.

Но тут же озабоченно добавил:

– И русских, конечно, тоже. Меня беспокоит их реакция. Они могут испортить нам всю игру. В ответ на наш ядерный удар они могут начать Третью мировую войну. Где сейчас президент Правдин?

– Летит на форум в Шанхай, – ответил мистер Питерс. – Ему предстоит решать там сложную задачу по заключению так называемого «Контракта века».

Президент Бонама нервно усмехнулся:

– Свяжитесь с нашими азиатскими друзьями. Нужно усложнить эту задачу настолько, чтобы русские и думать не могли ни о чем другом, кроме своего «Контракта века».

Директор ЦРУ задумчиво кивнул и отправился исполнять указания главы государства.

* * *

На борту президентского «Ил-96» уже более трех часов продолжалась напряженная работа над проектом «Контракта века». Президент Правдин отодвинул от себя ноутбук и с силой потер глаза ладонью.

– Засыпаю, – пожаловался он.

Сидевшая напротив Ольга оторвалась от своего дисплея.

– Вы бы поспали, а то совсем вымотаетесь.

Правдин отрицательно pokrutil головой:

– Нет времени. Контракт еще сырой, много недоделок. А конгресс уже на носу. Из Шанхая новости есть?

Вместо Ольги ответил Фабриков, также все это время не отрывавшийся от компьютера.

– Новостей нет, пока все тихо. Агдамыч только звонил. Беспокоится. Пожелал мягкой посадки. Может, кофейку? Олечка, не будете ли вы настолько любезны, чтобы соорудить нам по чашечке?

Тут и Лепешкин, игравший по соседству в компьютерную игру, распрямил согбенную спину, зевнул и потянулся так, что кости захрустели.

– К черту кофе. Пошли в бар, пропустим по соточке. Заодно ноги слегка разомнем. Не знаю, как контракт, а геморрой мы точно заработаем. Там и кофе можно выпить.

Президент кивнул:

– Да, кофе сейчас не повредит. И коньячку. Не соточку, конечно, а граммов тридцать. У нас еще работы неуприворот.

Все поднялись и проследовали в бар. Но не успели они выйти в коридор, как лайнер качнуло, и он начал проваливаться вниз. Лепешкин неприлично выругался, Фабриков по-бабьи охнул, а Ольга слегка побледнела. Только президент Правдин сохранил спокойное выражение лица. И, только когда спустя пару секунд все нормализовалось и кишки перестали подкатывать к горлу, невозмутимо заметил:

– Кажется, мы попали в воздушную яму. Синоптики предупреждали, что впереди атмосферный фронт, – он посмотрел на Ольгу. – А вы, наверно, подумали, что мы падаем?

Ольга гордо выпрямилась:

– Я думала, что самолет такого класса застрахован от подобных сюрпризов.

Президент Правдин развел руками:

– Ничего не поделаешь, законы аэродинамики и гравитации обязательны даже для президентов. Вы в первый раз летите «бортом номер один»?

– Да.

Лепешкин налил в пузатые бокалы коньяк и предложил один из них Ольге.

– И как вам, неискушенной, наш порядок? Внушаить? – снисходительно поинтересовался он.

К удивлению всех, она с пренебрежением поморщилась.

– Так себе, на троечку. Я считала, что на таком уровне все должно быть организовано гораздо серьезнее.

Лепешкин даже обиделся.

– Вы серьезно? И что же вам не нравится? Приведите пример, если не трудно. Я не люблю голословных обвинений.

– Да, что не так? – насторожился и президент.

Ольга осмотрелась, в поле ее зрения попал мрачный тип с пристегнутым к запястью кейсом.

– Ну, возьмем, для примера, вашу тень с ядерным чемоданчиком. Я заметила, что этот человек был с вами, пока мы ехали из Кремля в аэропорт, и здесь продолжает вас сопровождать.

Президент кивнул:

– Ну, разумеется. Он заступил на пост и будет со мною, пока не сдаст его своему сменщику. А что не так?

– Но ведь водитель, который привез нас сюда, остался в машине. А за штурвал самолета сел летчик, а не шофер. И обслуживают в полете нас стюарды, а не официанты. В воздухе – своя специфика, в море – своя.

– И что теперь, на каждый вид транспорта отдельного офицера держать? Вот еще, выдумала! – громко возмутился Лепешкин.

– А почему же тогда спецназ в каждом роде войск свой? На флоте – морской и подводный, в воздухе – воздушно-десантный, в пехоте, во внутренних войсках – тоже отдельный. К тому же я ничего не выдумывала, а просто изучала то, как это делается в Штатах. А там на президентском лайнере имеется и специальный сотрудник, который перед взлетом принимает ядерный чемоданчик, а после приземления его сдает. А наш офицер с вами и дома, и в Кремле, и в самолете. Что это – дефицит доверия? Вернее, дефицит людей, которым можно доверять полностью. У американцев экипаж самолета полностью несет ответственность и за президента, и за чемоданчик. И это только вопрос профессионализма и квалификации. У нас же – чуть ли не наследственная привилегия. А если для вашего офицера полет – уже стресс? Вы ему об исполнении долга, а у него элементарный понос с не привычки. Недоработка, господа.

Президент Правдин усмехнулся:

– Спорно, конечно, но допустим. Еще что-нибудь назовете?

Она задумалась:

– Вот еще пример. Скажите, откуда мы получаем продукты и напитки, которые погрузили для кухни и баров?

За президента ответил Лепешкин:

– Со специальной базы.

– А если в продуктах окажется бомба?

– На базе работают исключительно проверенные люди, – буркнул Лепешкин.

Ольга только отмахнулась:

– Бросьте. Вы же не хуже меня знаете, что даже самого проверенного можно подкупить, можно взять в заложники его семью или пригрозить шантажом. Было бы желание.

Президент посмотрел на своего юного секретаря-референта с нескрываемым интересом.

– А как же с этим справляются наши потенциальные противники?

– Они производят закупки в одном из гипермаркетов. В каком именно – определяет случайный выбор.

Тут к дискуссии подключился и Фабриков.

– Но, простите, того, кто делает ваш случайный выбор, тоже можно подкупить или шантажировать, – возразил он Ольге.

– Теоретически можно, но очень трудно. Не забывайте, что он тоже летит этим самолетом. А наш гипотетический диверсант с базы упаковал бомбу и спокойно ждет взрыва на земле, в полной безопасности.

Президент покачал головой и переглянулся с Лепешкиным.

– Вот так, генерал. Утерла нам нос барышня, – признал он.

Лепешкин виновато развел руками:

– Ну, что ты хочешь? Прирожденный аналитик. Она же дочка Старостина. Тут все дело в генетике. Только я так скажу: если мы будем затовариваться в обычном супермаркете, то загнемся и без всяких террористов. От естественных, так сказать, причин.

Тут все, бывшие в баре, рассмеялись. Напряжение последних дней работы над контрактом, наконец, отступило. Послышались шутки.

– А знаете, Агдамыча в аэропорту чуть не завернули, – громко сообщил Лепешкин.

– Как? Почему?

– Его таможенник спросил: «Что-нибудь запрещенное при себе имеете?» А он отвечает: «Да, имею. Карикатуру на президента».

Громче всех смеялся президент России Василий Васильевич Правдин.

– Ох, что-то мы развеселились. Не к добру это, – утирал брызнувшие сквозь смех слезы Фабриков.

Дверь в бар распахнулась. На пороге вырос радист экипажа.

– Господин президент! Василий Васильевич! – позвал он.

Правдин обернулся к нему.

– Что случилось?

– Катастрофа... повторилось одиннадцатое сентября, только теперь в Европе. Неизвестные террористы на пассажирских самолетах протаранили небоскребы в Париже и гигантское колесо обозрения в Лондоне. Имеются многочисленные жертвы...

Все застыли, будто парализованные. Новость не укладывалась в голове. С громким звоном упал и разбился бокал, и в помещении резко запахло коньяком.

Полет продолжался.

* * *

Десантники помогли спасенному капитану Маккене забраться в салон вертолета. Там уже находился раненый пилот и лежало тело стрелка. Встал вопрос – кому управлять вертолетом.

Копняк только руками развел:

– Я не пилот, я только механик.

Минимальные навыки управления вертолетом имели все члены группы, но тут лететь приходилось в горах, да и не близко.

– Ладно, садитесь, прокачу, – распорядился Серегин.

В ответ на скептические взгляды подчиненных майор пояснил:

– Я до службы ветеринаром работал. Красноярский край, площадь – четыре Франции плюс Бельгия-Нидерланды-Люксембург. Города, поселки, стойбища. Без авиации никак. А штатный вертолетчик наш, Коля, пил по-черному. И как запьет, так на неделю, а то и на месяц. Приходилось своими силами выходить из положения. Вот и освоил поневоле. А в армии еще курсы пилотирования «Ми-24» закончил. Между прочим, был лучшим в группе. А ты, Денис Васильич, полезай в переднюю кабину, за стрелка будешь.

Старший лейтенант кивнул и полез в носовой кокпит, в отделение для стрелка, все остальные погрузились в салон, захватив принесенное Поручиком оружие. Серегин занял место пилота.

Некоторые называют «Ми-24» гибридом самолета с вертолетом, так как, в отличие от большинства вертолетов, взлетает он «по-самолетному». К счастью, твердая ровная поверхность предгорья позволяла сделать необходимый для взлета короткий разбег. Взревела вспомогательная силовая установка, из выхлопа ударил метровый язык пламени, и вертолет оторвался от земли.

Майор Серегин не обманул. Он вел вертолет уверенно, проявляя высокое мастерство управления этой сложной машиной. «Ми-24» не зря считается одним из самых скоростных вертолетов в мире. До базы они долетели быстро. Здесь их уже ждали. На аэродроме вертолет встречали здоровяк-полковник и шуплый лысый тип средних лет. Когда винт сделал последний оборот и замер, десантники выбрались на твердую землю.

Лысый тип нетерпеливо бросился к Птенчику, посчитав его, по причине нового обмундирования и высокого роста, самым главным.

– Вы старший? – закричал он по-русски.

Серегин тем временем выбрался из кабины и прыгнул на землю.

– Я старший. Что надо?

– Я интересуюсь изделием «Ника». Вы его доставили? – затараторил лысый.

Майор смерил его хмурым взглядом.

– А на каком основании вы им интересуетесь?

– Я конструктор. Инженер Ларин. Вам должны были сообщить...

– Нам сообщили. Если предъявите документы, удостоверяющие вашу личность, мы этот вопрос будем считать решенным.

– Конечно... – лысый принялся лихорадочно шарить по карманам.

В это время к вертолету вальяжной походкой приблизился гигант полковник. Американский камуфляж на нем то ли выцвел, то ли покрылся пылью. Но шеврон на рукаве выделялся яркой заплаткой. На обращенном остром концом вверх бирюзовом щите желтел меч, пересеченный тремя молниями.

– Ух ты, целый зеленый берет! – восхитился Поручик, выскакивая из своего скворечника, как чертик из коробочки.

– Не люблю я их, – ворчливо заметил Копняк.

– А ты попробуй с солью, – посоветовал ему старший лейтенант.

Американец приблизился к майору и инженеру.

– Полковник Форман, начальник экспертно-технической группы, – доложил он по-английски.

Серегин в ответ также козырнул и представился. Тоже по-английски. Они отошли в сторону.

– Каковы ваши планы? – с ходу поинтересовался американец.

Майор пожал плечами:

– Нам приказано доставить изделие «Н» и передать его уполномоченным лицам. Вам и господину Ларину. Наверно, следует выполнить какие-то формальности? Получить расписку и все прочее. А в чем, собственно, проблема?

Полковник Форман покачал головой:

– С формальностями придется подождать. Сейчас весь личный состав базы отправился в горы Тора-Бора, «Черная Вдова». Наши разведчики обнаружили там логово Эмира Джихада. Но достать его оттуда будет непросто. Может быть, испытаем прибор прямо там, в боевых условиях?

Серегин пожал плечами:

– Вам виднее. Наша задача – доставить прибор и обеспечить его безопасность. Можно и испытать. А что это у вас тут за оживление?

На базе и в самом деле царила невероятная суматоха. На летном поле гудели пропеллерами шесть транспортных вертолетов «Ми-8». К ним бодрым маршем направлялись колонны вооруженных до зубов бравых парней в камуфляже. Каждый из бойцов габаритами не уступал Птенчику.

– Бригада афганского спецназа, – пояснил полковник. – Элитные командос, обучены нашими инструкторами, кроме того, почти все они – кровники бандитов. У кого отца убили, у кого брата, а у некоторых всю семью.

За спецназом подкатил бронированный джип, из которого вальяжно выбрался смуглый толстяк в раззолоченном мундире, похожий на латиноамериканского диктатора.

– А вот и генерал Азими прибыл, заместитель министра обороны, – сообщил Форман и добавил: – Редкостная сволочь. Пойду, доложу обстановку.

И он неохотно потопал к генералу. Тот выслушал его, ответил на плохом английском, потом бросил косой взгляд в сторону Серегина и его команды, добавил что-то на пушту и злобно сплюнул.

– Ты понял, что он сказал? – спросил Поручик стоявшего рядом Орлова.

Тот кивнул.

– Он сказал, что мы, русские, свиньи и предатели.

Старший лейтенант усмехнулся.

– Именно так? Запиши, чтобы не перепутать.

Тем временем афганские спецназовцы погрузились в транспортные вертолеты, и по команде генерала машины оторвались от земли. Полковник Форман вернулся к Серегину. Оба посмотрели вслед генералу Азими. Тот отошел к своему бронированному джипу и, оживленно жестикулируя, громко орал на подчиненных.

– Редкая сволочь, – вздохнул Форман. – Но приходится с ним работать. Он не только заместитель министра обороны Афганистана, но и заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов. Он координирует работу американских, европейских, иракских, афганских, саудовских и прочих вооруженных сил региона. Важная птица, с большим опытом. Служил и вашим, и нашим, и талибам.

Закончив разнос свиты, генерал Азими направился к вертолету русских десантников.

– Я полечу с вами. Хочу посмотреть, как работает ваше новое оружие. Подозреваю, что это очередная фикция.

– У вас есть карта этого района? – спросил генерала Серегин.

– Разумеется.

– Тогда летим. Но сначала закончим с разгрузкой. У нас один раненый и один убитый. И форточки вставить надо, а то пока долетели, чуть не замерзли.

Санитары уже погрузили на носилки раненого пилота и запаковали в черный пластиковый мешок тело стрелка. Всемогуший и вездесущий Копняк успел разжиться плексигласом и заканчивал заделывать пробоины в боковых стеклах, оставленные пулями бандитов.

– Все по местам, – распорядился майор. – Взлетаем.

Десантный отсек вертолета оказался набит под завязку. Кроме бойцов группы Серегина – Копняка и Орлова – здесь разместились генерал Азими с двумя телохранителями, инженер Ларин и полковник Форман. Захватили и капитана Маккену, подразделение которого сейчас вело бой где-то у подножия Тора-Бора.

Перед вылетом из вертолета выгрузили захваченное Поручиком у бандитов оружие. Голицын по праву хозяина выбрал для себя укороченную винтовку СВУ и хромированный «кольт». Увидев пистолет, Форман удивился:

– О, это же мой пистолет! Откуда он у вас?

Поручик пожал плечами:

– Снял с убитого. Если он ваш, возьмите.

Полковник замялся:

– Не могу. Он ваш по праву трофей.

Голицын махнул рукой:

– Берите. Я все равно собирался его пропить. С вас две бутылки виски.

– Большое вам спасибо! – обрадовался полковник. – Будем считать – четыре бутылки. Я потерял его, когда нашу колонну атаковали из засады. Меня тогда контузило. Когда очнулся, пистолета не было.

– В том бою меня в плен захватили, – сообщил капитан Маккена.

В словах капитана прозвучало раздражение. Еще бы, он в плен попал, едва не расстался с жизнью, а полковник Форман пистолетик, видите ли, потерял. Вот несчастье!

Копняк ткнул Голицына локтем:

– Не жалко отдавать?

– За четыре бутылки виски? Не жалко, – с улыбкой посмотрел на него старший лейтенант. – К тому же у него щеки рукоятки из слоновой кости. Я такую не люблю, в руке скользит.

Он прихватил к своей винтовке несколько полных магазинов с патронами и полез в кабину стрелка. Убедившись, что все заняли свои места, Серегин запустил двигатель вертолета. Полет к Черной Вдове начался.

* * *

В небе над Тегераном стояло яркое полуденное солнце. Когда на перекресток столичного района Саадатабад выехали два автокрана, вокруг них, невзирая на жару, собралась толпа народа. Краны остановились, зафиксировались, растопырившись гидравлическими упорами, и выбросили высоко в небо длинные телескопические стрелы. Но вместо крюка или ковша на конце каждой стрелы болталась жесткая веревочная петля. Строительные машины сейчас выступали в роли виселиц. Зеваки отнеслись к этому с интересом, но без особого ажиотажа. Показательные казни давно стали в Иране привычным зрелищем.

Из подъехавшего фургона с зарешеченными окнами вышли люди в форме. Затем вывели двоих осужденных. Судя по лицам и одежде, это были арабы-шииты.

Из машины вышел человек с громкоговорителем. Он объявил, что сейчас будет проведена казнь шпионов. Осужденных подняли и поставили на высокие табуреты. На шеи им накинули петли.

По сигналу палача его помощники выбили табуреты у них из-под ног. Два тела задергались и сильно закачались в воздухе. Моторы кранов загудели, поднимая казненных на высоту, с которой они будут видны издалека.

Обычно таким способом казнили убийц и насильников. Показательная публичная казнь сразу двоих шпионов означала, что Иран стоит на пороге войны. Но с кем? Народ озадаченно чесал в затылке. Обычно в роли шпионов, как правило, английских, выступали жители западного индийского штата Гуджарат. А тут арабы, причем свои, шииты, возможно с иранского юга, из Хузестана. Или, как они сами его называют, Арабистана. Похоже, власти снова готовились к войне со старым врагом – Ираком. А заодно и с Израилем.

* * *

В центре города Басра, столицы одноименной южной провинции Ирака, в своей резиденции губернатор Саид Хасан, только что вернувшийся из Багдада, встречался с главнокомандующим вооруженными силами самопровозглашенного Арабистана Ибрагимом аль-Баракком. Оба были облачены в военную форму и закутаны в национальные арабские платки. С той лишь

разницей, что губернатор носил арафатку, белый платок в черную клетку, а на главнокомандующем была иорданка, такой же белый платок, но в красную клетку.

Их разговор касался очень серьезной темы. Речь шла о войне.

– Мы стоим накануне великого события, – с важностью говорил Саид Хасан. – Впервые арабы-шииты будут иметь собственное государство. Наши братья всегда подвергались гонениям, как со стороны арабов-суннитов, так и со стороны персов-шиитов. И это при том, что наиболее богатые нефтью районы находятся именно на нашей земле, на земле наших отцов. Правители Ирана, Ирака, Кувейта и Саудовской Аравии обогащались за наш счет. Но я сомневаюсь, хватит ли у нас сил бороться со всеми врагами одновременно. Ты ведь заверял меня, что войны не будет.

Главнокомандующий ослабил узел своего красно-белого платка.

– Отдельные столкновения, возможно, и произойдут, но до настоящей войны не дойдет, я это гарантирую. Йеменцы окончательно осатанели из-за отсутствия ката. Достаточно было небольшой провокации, и они сорвались с цепи. Мало того, что саудиты постоянно дразнили их своим богатством, так еще и оккупировали несколько йеменских районов. И вот случилось неизбежное: сегодня, двадцатого Раджаба тысяча четыреста тридцать второго года Хиджры, объединенное ополчение племен Йемена атаковало границу Саудовской Аравии.

– На верблюдах с автоматами? – губернатор не смог скрыть насмешки.

Но генерал аль-Барак ответил серьезно:

– Ты недооцениваешь наших йеменских союзников. У них на вооружении имеются танки, артиллерия и ракетные установки. В Кувейте началось шиитское восстание. Поэтому за тыл можно не беспокоиться. Я уже отдал от твоего имени приказ перейти границу Ирана. Арабы Хузестана нас поддержат. Таким образом, большая часть нефтяных промыслов скоро окажется в наших руках. И мы сможем диктовать свои условия. Иначе взорвем все нефтяные вышки. Вот тогда пусть попробуют тронуть нас хоть пальцем.

Губы губернатора Хасана искривила самодовольная улыбка. Генерал аль-Барак исподлобья наблюдал за его реакцией.

Неожиданно губернатор нахмурился.

– Что-то не так? – с беспокойством спросил аль-Барак.

– Мы совсем забыли о русских, – проговорил Саид Хасан. – Когда-то я сотрудничал с ними. Так же, как ты с американцами. От русских можно ждать любого сюрприза. Как приятного, так и наоборот.

Губернатор задумался и не заметил, как в глазах генерала мелькнул недобрый огонек.

* * *

На борту президентского лайнера царила напряженная тишина. Помощники президента Правдина лихорадочно анализировали только что полученную информацию. Беда не приходит одна. Следом за известием о террористических актах в Париже и Лондоне стали приходить менее шокирующие, но не менее тревожные новости.

В Вашингтоне убит министр обороны Саудовской Аравии. Саудовская Аравия ввязалась в войну с Йеменом. Над Ираном сбит самолет с комиссией МАГАТЭ. Шпионов, которые помогли комиссии раскрыть атомные секреты, иранцы повесили на тегеранской площади. Турки бомбят лагерь курдов, курды в ответ захватывают турецкие корабли с заложниками. И в довершение всего иранский флот перекрыл вход в Персидский залив. Были случаи перестрелки с американскими кораблями.

И в довершение всего шииты Южного Ирака провозгласили независимое государство Арабиستان и вторглись в Хузестан – соседнюю провинцию Южного Ирана, также населенную арабами-шиитами. В ответ на это президент Ирана предъявил руководству Ирака и Арабистана

ультиматум. Если в течение сорока восьми часов Хузестан не будет освобожден, Иран нанесет по городам Басре и Багдаду ракетные удары с наземных площадок и кораблей.

Наконец, все собрались в кабинете президента.

– Ну, кто выскажется первым? – Правдин обвел взглядом присутствующих.

Но никто не торопился с ответом. Наконец Фабриков нарушил молчание.

– А что тут думать? Нас это напрямую не касается. Так что продолжаем заниматься своими делами и внимательно следим за событиями. Есть и альтернатива, в порядке бреда. Разворачиваем самолет и летим в Басру разбираться.

– Ты чо, с дуба упал? – удивленно поднял на него глаза Лепешкин.

– Но ты же сам хвастался, что губернатор Саид Хасан был твоим стукачом, – напомнил Фабриков.

– Вот именно, был, – уточнил Лепешкин. – Был, да сплыл. Ты, Игорек, думай, что говоришь. Давайте зараз все бросим, пошлем на хер «Контракт века» и полетим разруливать чужие проблемы. Спешу и падаю. Только штаны подтяну и ботинки зашнурую.

Он усмехнулся и обернулся к Правдину, ожидая, что тот разделит его настроение. Но Василий Васильевич был серьезен.

– Знаете, ребята, что в жизни президента самое скверное? – спросил он. – А то, что нет рядом людей, которые могли бы сказать: «Ну и дурак ты, Вася!» И посоветовать что-нибудь дельное. Почти нет. К счастью, я пару таких знаю. Нет, не оглядывайтесь, они сейчас не здесь. И с одним из них собираюсь сейчас посоветоваться.

Лепешкин тяжело вздохнул и посмотрел на Ольгу.

– Сейчас батке твоему звонить будет, – пояснил он.

Связь установили. Правдин подробно пересказал адмиралу Старостину все, что знал сам. Тот внимательно выслушал, потом ответил:

– Вы еще не все знаете. Израиль привел свои войска в боевую готовность. Он ожидает совместного нападения со стороны Ирана и Египта. И в качестве превентивной меры собирается нанести упреждающий ракетный удар по Асуанской плотине. В этом случае воды Нила просто смоют Египет в море. Полагаю, следом за этим Израиль начнет с Ираном войну на истребление. Не исключая применения ядерных зарядов. Полагаю, Индия с Пакистаном также не останутся в стороне.

– Да, ситуация критическая, – констатировал Правдин.

Он ожидал от старого разведчика совета, но тот молчал. И молчание это президенту очень не нравилось.

– Что-то еще? – спросил президент, не выдержав паузы.

– Да, есть кое-что еще, – вздохнул Старостин. – Информация пришла только что, прямо из Белого дома. Не из нашего, – уточнил он и продолжил: – Штаты собираются ответить на ультиматум Ирана своим ультиматумом. Если по территории Израиля, Ирака или Арабистана будет выпущена хотя бы одна ракета, Америка нанесет ядерный удар по Тегерану и другим крупным иранским городам.

Правдин укоризненно взглянул на Лепешкина:

– Все как ты говорил, предсказатель.

И вернулся к телефонному разговору.

– Так что посоветуете? Мы тут подумали, может, развернуться и вместо Шанхая отправиться в Басру? Там, на месте, виднее будет. Возможно, мое присутствие остановит и Иран, и Штаты.

– Да? – с сомнением в голосе переспросил Старостин. – А если не остановит? Ну, понятно, в этом случае очень сильно подорожает нефть. Но будут и другие последствия. Ты их себе представляешь? Во-первых, твой рейтинг поднимется на небывалую высоту, потому что у нас очень любят мертвых героев.

– Но здравый смысл американцев...

Старостин перебил президента:

– Никогда не полагайся на здравый смысл политика. Особенно американского. Иногда глобальные политические решения принимаются по причине мелких интриг. Или даже интрижек. У меня, к сожалению, пока нет полной информации, а без этого я не могу разобраться – зачем Зебрак Бонама все это затеял и чей маленький камушек готов обрушить гибельную лавину. Мне нужно время...

Он помолчал, потом спросил:

– Слушай, Вася, Ольга с вами?

– Да, здесь, рядом. Дать ей трубку?

– Не надо...

Адмирал снова замолчал, причем надолго.

Правдин снова нарушил паузу:

– О чем думаете, Илья Григорьевич?

– О последствиях, – признался тот. – Сам понимаешь, президента нового, если что, выбрать недолго. А вот новую дочку вырастить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.